

Хайдар

ПОДАРОК

ИПО «У Никитских ворот»
Москва
2012

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6.5
X 15

*Автор выражает благодарность друзьям,
помогавшим издать эту книгу:
«Спасибо вам, друзья, пришедшие на зов –
не телефона, не письма, а сердца!»*

Хайдар

X 15 Подарок. Стихотворения. – М.: ИПО
«У Никитских ворот», 2012. – 224 с.

ISBN 978-5-91366-234-7

«Подарок» – восьмая книга члена Союза писателей России, поэта Хайдара Бедретдинова. На Востоке число «восемь» – символ любви. В этой книге автор признаётся в любви к знаменитым творениям искусства, любимой женщине, друзьям и самой природе.

Книга издана в авторской редакции.

ISBN 978-5-91366-234-7

©Хайдар, 2012

ЛЮБВИ И МУЗЫКИ БОЖЕСТВЕННЫЙ СОЮЗ

Хайдар Бедретдинов – человек военной закваски, и «горячие точки», в которые он попадал, оставили в его душе неизгладимые ожоги. Они не дают забыть о рискованных переходах под испепеляющим солнцем, о тревожных ночах, о смерти друзей. Неужели всё это было? Неужели жестокие бои, отнюдь не местного значения, имели некий смысл? Неужели всё обернулось тщетой? Неужели страна забыла об исковерканных судьбах, о принесённых жертвах?

Давно замечено: люди, прошедшие сложные жизненные испытания, становятся более чуткими к малейшим изменениям в окружающем их мире. Они могут своим, почти звериным, чутьём предсказывать землетрясения и прочие катаклизмы.

Для Хайдара повторяется тревога бессонных ночей, когда он бьётся над ответами и не находит их. Но остаются строки, строфы, стихотворения, – остаётся Память, запечатлённая в Слово. И если тревога Хайдара имеет предсказуемую связь с Космосом, – всё сказанное поэтом обретает высший смысл, равный искренней молитве.

Выйдя из пыльной и дымной завесы, Хайдар словно впервые увидел поросшие лесом берега, услышал плеск волны, птичий гомон, ощутил запах скошенной травы. Любовь к родной и единственной на свете женщине об-

рела опору и постоянство. Поэт отчётливо понимает: всё в окружающем мире неделимо, но можно поделиться своими мыслями и чувствами и, прежде всего, с верным спутником, с любимой.

Музыка звучит в стихах Хайдара, «любви и музыки божественный союз» сопровождает поэта в дороге по земному кругу, «пастуший слышится рожок и колокол», «басов гремучих нарастают шквалы». Именно по этим звукам, по этим позывным «блудный сын находит путь домой».

Все мы гости в этом мире, все возвратимся к истокам, и великое благо – не потерять в пути космических позывных.

*Владимир Бояринов, поэт,
Заслуженный работник культуры РФ*

Подарок

Хочешь – я тебе открою шлюзы сердца?
Заплывай туда, подобно кораблю.
Можешь там душой озябшей отогреться.
Поделюсь с тобой всем тем, что я люблю.

Там откроется тебе простор широкий!
В моих жилах, перемешана, течёт
И премудрость витиеватая Востока,
И продвинутого Запада расчёт.

Для друзей ковёр роскошный мы расстелем –
Пригласим на пир к султану во дворец,
Почитаем сладкозвучные газели
И найдём ключи от дружеских сердец.

Воспоём соблазн и сладость поцелуя,
Плавность линий тела, блеск любимых глаз,
Как улыбка материнская ликует,
Как ребёнка первый шаг волнует нас.

Дни счастливые жалея, встанем рано
Помолиться, чувств пришедших не тая.
Показать бы мог я всем дорогу к Храму,
Но она – увы – у каждого своя.

Сфер небесных мы почувствуем томленье,
Словно мощный хор – поющий горизонт.
И для музыки духовных песнопений
Не хватает на Земле известных нот.

Восхитимся золотым искусством древних,
Дивной роскошью богатых их даров.
И услышим, как шумит листва деревьев
На полотнах знаменитых мастеров.

Как запомнить миг возвышенный короткий,
Чтобы были дни остатние легки?
Незатёртых слов живые самородки
Вправлю сердцем в огранённые стихи.

Полёты души

Для полётов души
Все часы хороши –
Не бывает нелётной погоды.
Глянь на жизнь с высоты –
Окрыляешься ты,
И мельчают мгновенно невзгоды.

После стольких-то лет
Вечных истин секрет
Открывается сердцу наука.
И на то, что внутри,
С высоты посмотри –
С высоты озарённого духа.

Музыка

Есть звук восходящий
И тон ниспадающий,
Благодарящий тебя и карающий,
Над суетою тебя поднимающий,
Даже грехи твои все понимающий.

Музыка, музыка – вечная спутница!
То ты святая, то ты распутница.
По твоему мы вскипаем велению,
Ты формируешь своё поколение.

Ты в нас живёшь: хотим – не хотим мы,
И задаёшь нам сердечные ритмы:
Ритмы любви, созиданья, тепла,
А иногда – разрушенья и зла.

Но, разбивая застывшую косность,
Новые волны пульсирует космос.
И в наступившей духовной ночи
Светлая музыка вдруг зазвучит.

Стоит её своим сердцем услышать,
Снова нас тянет стать чище и выше.
Так же весной, нарождаясь, росток
Смело пробьёт прошлогодний листок.

Месса

Я мессу отстоял в воскресшем храме,
Я душу окунул в купель-хорал.
Я впитывал евангельскую драму
И драмы дней своих перебирал.

Привычно разум ловит цепь гармоний,
Аккордов, модуляций нежный свет.
Кого такая музыка не тронет!
Вот только ощущение чуда нет...

Мы рвались в храм, как встарь, ища спасенья,
Но, сберегая не живот, а дух,
У злобы, лжи, бесчестья в окруженьи,
Беспомощными оказались вдруг.

Что ж запоздало мы так жадно ищем?
Духовности нащупать тщимся нить?
Когда всю жизнь мы были духом нищи,
Суметь ли вдруг богатство ощутить?

Воспитывали в нас плакатной книгой
Тромбозы мысли, чувств слепых застой...
И горько усмехнулся храм-расстрига –
Концертный храм, увы, а не святой.

Дух предков благороден – да простится
Вернувшийся к порогу блудный сын.
Но чтоб к истокам сердцем возвратиться,
Потребуется год, и не один.

Песнопения Сирина

Кто, панцирь отчуждения порушив,
Не испросив, ко мне заходит в душу?
Как из острога – почему – спеша,
Ему навстречу ринулась душа?

Пахнуло степью вольною, полынью,
Пророчеством, ожившею былиной.
Божок мирских забот во мне притих,
Как только зазвучал духовный стих.

Протяжный плач, и ветер в нём, и осень,
И долгий взгляд в глазах слегка раскосых,
В нём и пастуший слышится рожок,
И колокол, молящийся Восток...

Слепой певец, свои познавший корни,
О! Как он зряч в своём труде упорном!
Не лицедейство, а добытый хлеб
Он делит с нами – плод пытливых лет.

В нём – душ далёких предков благородство,
И барства нет ничуть, и нет холопства,
Достоинство смиреньем уравнивая,
Дарует нам исконный русский нрав.

От времени рассохшуюся лиру
Душою оживляет дивно Сирин.
Святой и очищающий восторг
В сердца вселяет нам не сам ли Бог?!

Очищенье

Сирин перелистывает ноты,
Нас ведя в минувшие века.
Предков наших о душе забота
Тоже нам становится близка.

Мир преобразают песнопенья –
Он уже нам кажется иным,
Будто чудо чистого прозренья
Истиной даровано слепым.

Исцеленье дарится калекам,
Светится в распевах мудреца
Божья искра в духе человека
И гуманность в промысле Творца.

Сирин, будто став за нас в ответе,
Промывая нам глаза души,
Жизнь таким вдруг озаряет светом,
Что уже не можется грешить.

Лики Сирина

В искусстве – слепое уродство:
Так больно ушам и глазам!
И сердце устало бороться...
Где песен былых благородство? –
Для душ утомлённых бальзам.

Настроив на истину лиру,
Ища к нашим душам пути,
Как пастырь заблудшим и сирым
Отправился праведный Сирин
Свет божьего слова нести.

Той истине – вера порукой!
И вновь возрождают нам храм
Добытые в творческой муке
Какие красивые звуки! –
Услада уставшим ушам.

С их пеньем ничто не сравнится –
От радости брызнет слеза.
Не из-под рублёвской ли кисти? –
Какие красивые лица! –
Услада уставшим глазам.

Не грех поклониться нам будет
Певцов матерям и отцам,
Когда в нас все доброе будят
Какие красивые люди! –
Отрада уставшим сердцам.

Глас небесный

Что за праздник? Что за праздник?
Звон колоколов!
Будто зазвучали сразу
Тыща голосов.

Медь большого прогремела,
Малых серебро.
И душа сама запела.
Светится нутро.

Что же хочет, интересно,
Тысячами лет
Передать нам глас небесный:
Зов, укор, привет?

Головы поднялись кверху.
Воспарился дух.
С любопытством или верой
В храм святой идут?

Разливается по венам
Жизненный покой:
Хорошо хоть на мгновенье
Стать самим собой.

Голосит на нотах разных
Колокольный вал.
Что за праздник? Что за праздник?
Божий день настал!

Азан

Ночь прощается с Кабулом,
Нарождаются лучи,
С минарета звонко будит
Правоверных азанчи.

В звуках зычного азана –
Заклинанье от беды,
Боль и скорбь Востока, раны
И надежды бедноты.

Просьбы жаркие к Аллаху
Отпущения грехов,
Песнь о предках, что во прахе,
И к молитве первый зов.

Ветерок подул в оконца,
Свет неярких звёзд потух.
И – служитель культа Солнца –
Свой азан поёт петух.

Минарет

Первый луч прикоснулся к глазам.
Держит сон ещё сладкий и липкий,
Но звучит уже зычный азан
К омовению сердца молитвой.

Зов к молитве – как песня души
О величьи творца мирозданья.
Минареты, как карандаши,
Продолжают о вечном сказанье.

Успокоился старый пират:
Став купчиной, жизнь переиначил.
Зацепившись за месяц, стоят
Минареты – застывшие мачты.

Азанчи посылает свой зов
Сотни лет в небо – нету ответа.
В честь покинувших Землю богов
Минарет – смутный облик ракеты?

Видно, был не единожды крах,
Человечество в прах растирая, –
Мы грустим о золотых временах,
Мы скорбим о потерянном рае.

Не случается жизнь без грехов –
Такова человека природа.
Минареты – от гнева богов
Сквозь раскаянье громоотводы.

Сто загадок таит Будды след.
Будоражит нас зов Атлантиды.
Колокольня стоит, минарет
На руинах дворца Артемиды...

Восточная фреска

Воздух – вакуум,
Солнце – рентген,
И земля, как цемент,
Горы – в камне верблюды,
А над всем минарет,
И опять минарет,
Словно коконы,
В ткани обернуты люди.
Заунывный азан,
Хохот злой ишака,
И насквозь пропылившийся ветер.
Вол, дувал и соха –
Весь портрет кишлака –
Летаргия минувших столетий.

Соната Моцарта

Вызывая карусель эмоций,
Радуюсь, ликуя и звеня,
Потрясает семилетний Моцарт
Сорокаторёхлетнего меня.
Души наши голубями взмыли,
Только что склонённые ничком.
И манжеты – ангельские крылья –
Вспархивают над живым смычком.
Мальчик, милый! Выстрадав бессмертье,
Как же бескорыстно ты горел,
Если даже через два столетья
Нынешние радости прозрел!

Гитара

От горячих мавров
Сотни лет назад
Перешла кифара
На испанский лад.

Плакали канцоны,
Вальс кружился юн
Под её знакомые
Переборы струн.
Сквозь века и страны,
Зная её вкус,
Принесли цыганы
Звонкую на Русь.

Здесь стихи и стансы,
Страстны и нежны,
Вылились в романсы,
Коим нет цены.

Перебор частушек
До чего ж речист!
Трогает нам душу
Заводной артист.

Плещет птичьим граем
Мастерской рукой,
Будто сам играет
Иванов-Крамской.

Классиков эмоции
Нынче – для мобил.
Современных моцартов
Кризис загубил.

Временем удары
Сердца не унять –
Старую гитару
Слушаем опять!

Ансамбль Фелицианта

Души, ожившей в храме, именины –
Звучит ансамбль музыки старинной.
Напевно, как весенняя капель,
Воркует добродушно виолончель.

Поёт, смеётся и роняет всхлипы,
Читая ноты, чувственная скрипка.
Игрою виртуозной – господин –
Торжественно вступает клавесин.

В мелодиях – и радость, и упрёки
За неусвоенные мною их уроки.
И на душе становится теплей
От памяти моих учителей.

Ожили Бах, Вивальди, Куперен, –
Барокко королевского рефрен.
Звучат сонаты, праздничные канты,
Счастливая душа Фелицианта.

«Играй, мой баян»

Каждый без зелья немножечко пьян –
Нынче мы песни поём под баян:
Русские песни, советские,
В прошлом такие известные!

Песни «Смуглянка», «Ромашки», «Мороз».
Ну и слова! Прошибают до слёз.
«Поедем, красотка, кататься...»,
«Гроздья душистой акации...».

Вяжутся песни одна за другой –
Господи, пласт-то богатый какой!
Только в последние годы
Вывели песни из моды.

Вместо душевных и искренних слов
Слышим мы западный бешеный рёв.
Строй и культуру порушив,
Метят поганые в душу.

Как же богат был наш внутренний мир!
Пошлостью нынче заполнен эфир,
Чтоб от корней нас отрезать –
Занавес вот уж железный.

Светел душой, переборами чист
В юность с собой нас сводил баянист,
Труд его добрый и честный
Славят живые пусть песни!

Ставень райский

Бояринову В.Г.

Открываешь ставень райский –
А в окне, как лунь, седой
Жизнью бит, судьбой потаскан
Брат – совсем не молодой.

С гор спустился, да с Алтайских,
Чтобы, взяв столицу в лоб,
Отворил нам ставень райский
Сам Боярин, сам Холоп.

Так откуда же запасы
Этой чистой доброты,
Открывая ставень райский,
Высыпаешь людям ты?

Насыпаешь полной мерой
Добрым делом и стихом
Всем, в ком не угасла вера
В путь – в духовный отчий дом.

Делишься в пути по-братски
Хлебом-словом-лебедой.
Нараспашку ставень райский –
Сам душою молодой!

Рок

В кромешной тьме родился грохот –
Землетрясение иль вулкан?
Пугающий подземный рокот,
Сосущий кровь из старых ран.
Вослед – удар артподготовки,
Сметающий живое в прах.
Бушует пламя преисподней,
Рождая в сердце боль и страх.
Вдруг белой дымовой завесой
Большое облако всплыло,
И голоса, и воют бесы
Надрывно, издеваясь, зло.
Затем, обдав нахальным светом,
Лучом ударив по глазам,
Как существа иной планеты,
Разыгрывают свой бедлам.
Среди колонок, как надгробий,
В припадках судорог, в поту,
Вампиры, жаждущие крови,
Изображают бал в аду.
Наставив грифы, угрожают,
Как «шмайсером» от живота,
Гитары шеи удушают
И рвут их медные уста.
Кто понесёт культуры знамя?
Какой всем нам извлечь урок?
Наверно, рок навис над нами,
Навис такой тяжёлый рок...

Органний концерт

Старею ли?
С людьми встречаясь внове,
Заранее их знаю в жесте, в слове,
Но музыку знакомую едва
Заслышу – для меня она нова.
Беря начало оцупью прелюдий,
Указывает путь во мраке людям,
И фуги полнозвучные горят
Торжественно, как клёны сентября.
На крыльях вдохновения хорал
Возносит к пробудившимся горам.
Как эхо, отзывается аккорд,
Гремя лавиной, падающей с гор.
Простою мелодичною усладой
Заблудших наших душ сзывает стадо,
Наполнив пасторалью свой рожок,
Невидимый небесный пастушок.
В клавиатуру погружаясь, кисти
Горячих звуков высекают искры.
Изломанные мукою страстей,
Танцуют руки танец лебедей.
Вплетаются в узоры вариаций
Фантазии моей протуберанцы.
Струится труб серебряный каскад,
Мощнее Ниагары звукопад.
Инвенции зовут с собою в бегство
В страну святую, искреннее детство.
Счастливых возле ёлки нас кружа,
Была вот так же музыка свежа.

Арпеджио звучат напоминаясь
О нашей глухоте, непониманьи.
Канцоны плачут, не стерпев, навзрыд,
За чёрствых нас испытывая стыд.
Ажурной вязки кружева гармоний
Волнами наплывают полифоний,
Даруя примирение сердцам,
В душе возводят свой духовный храм.
Находят чувства снова в сердце место
Из-под коросты найденною фреской.
И кажется, добрей глядит на нас
Под куполом творящий суд свой Спас.
Токкаты многозвучное богатство
Страдает по утраченному братству
И души единит волной тепла,
Чтоб друг на друга не копилось зла.
Спасибо за душевное участие,
Спасибо за к прекрасному причастье,
За исповедь, за излечение ран,
За то, что боль ты выслушал, орган.
Басов гремучих нарастают шквалы.
Безумство обладания в финале.
Фальцетов крик взрывает в горле ком,
И пот со лба – горячим ручейком.
Затих орган. В перерождённом зале
Экстаз, признание отрукоплексаки.
Но музыка в запасниках души
Ещё работу мудрую вершит.

Волшебные творенья

О, музыка!
Волшебные творенья
Какие же порою воспаренья
Даруют нам гармонией своей,
Что длятся те полёты много дней.

То в небеса высокие возносят,
То – в преисподней огненную пропасть.
Рыдания могут вызвать, чистый смех.
На святость соблазнить или на грех.

Доносят нам до внутреннего слуха
Накал борьбы желания и духа.
И так порою трудно побороть
Мятущейся душой живую плоть.

Утерян Рай был у познания древа...
Одновременно – ангел в нас и демон.
И каждый убедителен в словах:
Жить на Земле или на небесах?

Как совместить сумели Бах и Моцарт
Глубины философий, взлёт эмоций,
И вечность, и земную круговерть,
Любовь и Бога, рождество и смерть?!

О, музыка!
Волшебные творенья
Дают с самим собой нам примиренье
И с жизнью нашей суетной самой.
Так блудный сын находит путь домой...

Музыка-нищенка

То ли возвращается к нам былая мода,
То ли повернули вспять на Руси года...
Нищие – на улицах, в грязных переходах.
Сгнули «товарищи», вышли «господа».

И ещё примета жизни перекошенной:
Музыкантов армия вышла на панель,
Выбивая слёзы у людей непрошенно,
То гармоника рыдает, то скулит свирель,

Что-то вдруг военное затрубил оркестрик –
В сердце хлынул праздник в волнах кумача.
За привет из бедного радостного детства
Бросил рубль признания в шапку трубача.

Кто? Кому в угоду, нашу жизнь уродуя,
Радости лишил всех – некого спросить.
Оживляя звуками эти дни жестокие,
Нищенкою музыка бродит по Руси.

Бетховен

Маэстро Людвиг ван Бетховен,
Он – музыки отважный воин.
Аккорды яростных атак
Сверканьем рассекают мрак.

Подобно гулу водопада
Грохочет «Аппассионата».
Но между нотами кровит
Душа героя без любви.

Маэстро Людвиг ван Бетховен
Их красотой очарован:
О, сколько ласковых имён
Пропел в своих сонатах он!

Душа восторженной Гвичарди
В фантазиях его звучала.
И излучает лунный свет
Небесной музыки поэт.

Его послания к Элизе,
Её сердечка не приблизив,
И в нас несбывшимся звучат,
Рождая светлую печаль.

Все восхищаются кумиром:
Ведь царь он в музыкальном мире.
Но в двери божьего раба
Стучит судьба, стучит судьба...

Не победят его недуги:
В его симфониях и фугах
Звучит так громко... глухота.
Ей вторят чуткие перста.

Баянист

Виртуозна игра баяниста,
Но стеклянно застынет вдруг взгляд:
Вслед за музыкой дивною мысли
В край далёкий из зала летят.

Мастерство высочайшего класса
Прославляло служителя муз.
Но... оркестр однажды распался,
Как распался великий Союз.

Разорвались привычные звенья,
И душевный нарушен покой.
Жизнью брошен непризнанный гений
И уставшей от бедствий женой.

Подработки, по клубам мотанья –
Образ жизни вполне кочевой.
И в весёлой вдруг пьесе рыданья
Зазвенят музыкальной слезой.

Но спасает маэстро стихия –
Им придуманный песенный бал.
Целый вечер звучит ностальгия
По Парижу, где он не бывал.

Как во сне, он идёт по бульварам,
Где красотки призывно поют.
Музыкант, подпевая, в ударе
Не меха рвёт, а душу свою.

Взором внутренним смотрит он жадно
На кафешек парижских уют.
То не туфельки ли парижанки
Грациозно по клавишам бьют?

Он со страстью слепой наркомана
В мелодичном витает дыму.
И парижские машут каштаны.
Аплодируя кроной ему.

Отзвучит аргентинское танго,
Кумпарсита. И так загрустишь!
И поверишь, что нет – не напрасно
По маэстро скучает Париж.

Анечке

В наш дом вошли чарующие звуки,
Как утренние звонкие лучи.
Перебирают струны чьи-то руки,
Пытаясь песню счастья разучить.

Пока ещё не жизнь – её этюды,
Арпеджио пока, а не судьбу
Приходится разучивать, хоть трудно,
От напряженья прикусив губу.

Чарует арфа музыкой прекрасной,
И лейтмотив в ней тоненько звучит,
Что может этот труд твой ненапрасный
И музыке, и жизни научить.

Романс

О, Женщина,
В тебе – такая власть!
Но ты сама её не знаешь меры:
Ты можешь дать подняться, и упасть,
И обрести, и вновь утратить веру.

Ты истинна в поступках иль словах,
В ничтожных буднях иль в мгновенья славы?
«Ты – Женщина, и этим ты права»,
И правишь мирозданием по праву.

Уму научишь и сведёшь с ума.
И в нежности, и в гневе так прекрасна!
И с горечью осознаёшь сама:
Весь мир – у ног,
Но власть твоя напрасна...

Мужчина

Мужчина настоящий только тот,
Кто, не чураясь жизненных забот,
Старается всю жизнь свою усердно
Быть мужественным, мудрым, милосердным.

А дама настоящая лишь та,
Которой ради явно неспроста
Старается мужчина её верный
Быть мужественным, мудрым, милосердным.

Вершины

Издавна людей к себе манили
Гордые вершины неспроста,
В трудной жизни придавая силы,
Истина, Добро и Красота.

К Истине ведут блужданья тропы,
А к Добру – сражения со злом.
Красоты завоевать корону
Можно иногда в себе самом.

Только в нашей приземлённой жизни
Многим ли доступна высота?
Ждут непокорённые вершины:
Истина, Добро и Красота.

Совет

Желаю СИЛ, чтоб воплотить задумки,
УМА – чтоб непосильное не брать.
И да пребудет пусть с тобою МУДРОСТЬ:
Всегда две эти вещи различать.

Струны

Гитару старую возьму,
А что – какие наши годы!
Отброшу сотни «почему»
И – в жизнь опять, не зная броду.

Быть может, миновал зенит...
Но до возможного заката
Не прогремит – так прозвенит
Побед и мук моих кантата.

Уходит в сказки наш герой,
Когда покажется мир тесным,
И становилась жизнь порой,
Какой сложил её я в песне.

Мне будни напевали сказ
На взлётах и на месте лобном.
Я удивлялся сам не раз,
Что эти струны петь способны.

ЭТОТ БЛЮЗ

Этот блюз –
Любви и музыки божественный союз –
Снимет груз,
С души и сердца снимет лет печальный груз.
И поведёт по нотам дальше,
Не допуская больше фальши,
К счастливой пристани взяв самый верный курс,
Этот блюз...
Быть может, в молодость случайно с ним вернусь.
Сладок вкус
Открытий первых, учащающих наш пульс.
И, может, снова я поверю,
Что не беда – мои потери.
Ещё я в пекло новой жизни окунусь.
Патефон
Пластинку крутит, и мурлычет саксофон.
Опьянён
И белозубым ртом поёт аккордеон,
А звуки листьями кружатся.
Мне к ним бы искренне прижаться,
Чтоб позабыть про смену стилей и времён.
Я боюсь,
Нарушить магию шагов его боюсь,
Словно шлюз,
В миры иные открывает этот блюз.
Как по волнам несут нас ритмы,
Родные песни и молитвы.
Я, покаянный, вновь к ногам твоим вернусь.

Гимн

Я с откровенностью всей
Тебя повсюду славлю:
Тебе, мой друг, в сердцах друзей
Я памятники ставлю!

Какая нас любовь свела –
Растаять может камень!
Как ты меня приподняла
Несильными руками.

Хвалить тебя не устаю.
Одно лишь беспокоит:
Я вечно пред тобой в долгу
За счастье такое.

Сложу торжественный хорал:
Любовь восславлю миру.
Стихи мои – лишь пьедестал
Для памятника Ире!

Удары судьбы

Потоп. Пожар.
Держи удар:
Ведь за спиной – Ирина.
Не без труда
Держу удар,
А Ира держит спину.

Марш Мендельсона

Тополя все – белы.
Тополя – как невесты.
В их ветвях-головах
Бродит ветер хмельной.
И любовный их шёпот
Слышится песней
Оттого, что теперь
Навсегда ты со мной!

Сколько дней горевых,
Сколько ночек бессонных,
Сколько драм и боёв
Мы с тобою прошли.
И победною музыкой
Марш Мендельсона
Раскрывает нам настежь
Двери любви!

Баллада

Я воспою любимую
В возвышенных стихах.
Как ключики мечты мои –
В её руках.
Едва-едва
Вскружилась голова.
Но все слова
Растратила молва.

Я сочиню симфонию
Любовных бурных чувств.
И подберу гармонии
На тонкий вкус.
На нотный стан
Мелодии легли –
Псалмы мои
Украсили соловьи.

Изобразю портрет её
В цветении весны.
Счастливыми приметами –
О лете сны.
Был холст мой чист,
По замыслу – искрист.
Вот только – кисть
Унёс осенний лист.

Быть может, будет Ангел мой
Ко мне не слишком строг,
Что жизни части разные
Сложить не смог.
Средь всех дорог
Затерян мой итог.
Услышит Бог
Лишь мой печальный вздох.

Серебряная свадьба

Мы с тобою нынче празднуем
Свадьбу с чистым серебром.
Были годы эти разными:
И лихие, и с добром.

Небо то бывало с тучами,
То в сияньи по края,
Незабудка, Незабудочка,
Незабудочка моя.

Побледнели губы сладкие,
Ясных глаз голубизна.
Ну, а сколько ж над кроваткою
Провела ночей без сна?!

Как устали твои рученьки!
А виной тому – и я,
Незабудка, Незабудочка,
Незабудочка моя.

И хоть многие завидуют,
Заглядевшись на семью,
Не сберёг красу я дивную
Ненаглядную твою.

А судьбой своей везучею
Лишь тебе обязан я,
Незабудка, Незабудочка,
Незабудочка моя.

Жертвенная

Опять я чем-то новым увлечён:
Делюсь с тобой замахами большими.
Стук молотка и вирш досужих звон –
Толк не велик,
А так – всё больше дыма.

Ты кухней вовсе не увлечена,
Но воз везёшь как верная жена.
Благодаря за жертвоприношенье,
Прошу прощенья у тебя!
Опять – прощенья!

Жрица

Жрица храма сердца, очага,
Колокольчик – от недобрых духов,
Крутишься в делах, как ураган,
О других лишь в непрестанных думах.

Мамка колобродящей семьи –
В круговерти быта без границы,
За святые подвиги твои
На тебя мне только бы молиться!

Вот – опять хлопочешь у плиты:
Радостей испечь нам с Новым годом.
Миллион «Спасибо!» и прости
За труды, за муки, за невзгоды.

Божья благодать

Ни кукушка, ни соловушка
Не смогли бы нагадать,
Что мне выпадет зазнобушка –
Просто Божья благодать.

Посчастливилось до доньшка
Чашу счастья выпивать.
Всё она – всё моё солнышко,
Чудо – Божья благодать.

Будут птицы счастья зёрнышки
Отведённых дней клевать.
Насыпает щедро жёнушка
Птицам Божью благодать.

С нею радости и горести
Мы напились много, знать.
Со времён Адама борются
Грех и Божья благодать.

Идеал

Смотрю: опять ты кофточку заштопала, –
На пенсии с тобой нам не до шопинга,
Да кризис ещё цены все поднял.
Я рад, что ты душой совсем не старишься,
Как в юности, ты мне такая нравишься.
Нет, не упал в цене мой идеал!

Курортный романс

С оставленной душою здесь свиданья,
По парку романтичные гулянья,
Кормление белок, соек и синиц,
Свечение особенное лиц.

Не может же всё это быть случайным –
Какая-то сокрыта, видно, тайна?
И чтоб её вернее разгадать,
Сюда мы возвращаемся опять.

Через года хотим, чтоб как в начале,
В сердцах двоих согласие звучало,
И общей тайной связывая нас,
Курортный продолжался наш романс.

Оставленные дела

Неужель ещё кажется странным,
Хоть давно голова уж бела:
Ляжет снег непременно неожиданно
На оставленные дела?

Есть ли толк – расточать себя грустью
О несбывшемся сне золотом?
Так и жизнь свою мимо пропустишь,
Оставляя её на «потом».

Бумеранг

Сочинённый аборигенами,
Чтоб повержен был зверь или враг,
Дело сделав, в руки преданно
Возвращается бумеранг.

Авантюрные и залётные
Люди, горечь утрат не тая,
Нахлебавшись шальной свободой,
Прилетают «на круги своя».

И летит, и поёт, и вращается,
Получив в жизни множество ран,
И опять к тебе возвращается
Это – сердце моё – бумеранг.

Предсказанье

Детскою далёкою порой
Баяла соседская бабуля:
«Больно уж ваш мальчик – золотой:
Золото однажды он добудет».

Табор встал однажды у села.
Молвила столетняя гадалка:
«Ждут мальчика фартовые дела,
Резвый конь и знатные подарки».

Жизнь и вправду, с места взяв в галоп,
Заставляла первым быть стараться.
Предсказал учёный гороскоп
В будущем немалое богатство.

Побывал я волею судьбы
В грозовых горах Афганистана,
Но сокровищниц Али-Бабы
Не нашёл и там я, как ни странно.

Сватали невесту для меня
С мотоциклом новеньким в придачу
(Это – вместо, видимо, коня?)
Или недостроенную дачу.

Не случился выгодный союз.
Что махать руками после драки?
Предсказанья щедрые, боюсь,
Были просто лишь благие враки.

Ни казны не нажил, ни хором,
Не свалилось с потолка наследство.
Так вот мы с женою и живём,
Забывая эти сказки детства.

А она радела надо мной,
Не спала над люлькою ночами.
Вот он рядом – клад мой золотой
С ласковыми добрыми руками!

В курортном парке

В курортном парке, как в садах Версаля,
Мотив звучит знакомый наизусть,
Хоть нам аккордеон не прописали,
Печальную трубу и эту грусть.

Прогулки – чтобы выгнать соль бессонниц
И нервных стрессов непомерный груз.
А музыка опять – на раны солью,
Вытаскивая спрятанную грусть.

Мелодия звучит и всё прощает,
Ведя по кругу памяти и лет,
И снова в мир уютный возвращает,
В котором ран душевных ещё нет.

Дорожная суета

Дорожной суеты знакомые моменты:
Билеты, паспорта, уложенный багаж.
Ещё всё здесь, но сердце уже где-то,
Спеша, маршрут прокладывает наш.

Длинные до отправления минуты.
Но тем сладка предстартовая дрожь.
Что даже и от старого маршрута
Каких-то новых ощущений ждёшь.

Оберега

В избе с матицей дубовой –
Пращуров опека –
Охраняла мир любовно
Птица Оберега.

Сберегала свет в светёлке,
Чудо богомаза,
Ямщика в степи от волка
И детей от сглаза.

На войне, на неизвестной,
Там, где крови реки,
Ты рождала мои песни,
Птица Оберега.

Утоляла мою жажду.
Сердцем карауля,
Ты спасала не однажды
От душманской пули.

Очага тепло хранила
Над больным ребёнком.
Посылала в письмах силу
Из родной сторонки.

Моя сила, моя вера,
И любовь, и нега!
За разлукой – милый берег –
Птица Оберега.

В разлуке

У нас весна уже поёт –
К вам осень прилетает.
Почти что 20 тысяч вёрст
Меж ними пролегает.

Хоть расставанья дни крадут –
Пока ещё не вечер.
Не от разлук отсчёт веду,
А срок – до новой встречи!

Притяжение

Сердце бьётся,
Сердце рвётся:
Что там – впереди?
Как желанье обернётся
Доброго пути?

Отчего свербит тревога?
Что – не ладно, брат?
Впереди лежит дорога,
Ну, а взгляд – назад.

Видно, что-то нас не очень
Отпустить спешит:
На невидимых цепочках –
Якоря души.

Ключик

Веря в сказки безусловно,
Загорались мы мечтой
В ключ скрипичный, в ключ басовый,
В ключик жизни золотой.

Оказалась жизнь суровой:
Не открыл нам рай земной
Ключ скрипичный, ключ басовый,
Ключик жизни непростой.

Но терзаться нет причины:
Открывал сердца порой
Ключ басовый, ключ скрипичный,
Ключик дружбы золотой.

Святая

В житейском море бурно плещут волны,
И обжигает нас небесный зной.
Друг другом люди чаще недовольны,
Но счастлив я, что милая – со мной.

В наш стройный мир принёс разлад разруху,
И беды не минули стороной.
Святая прачка, вечная стряпуха,
Мой ангел исцеляющий – со мной.

Ты надрываешь не стальные жилы,
Чтобы насытить мир наш и покой.
Я не пойму, небесные ли силы
Тебя содержат чистою такой.

Крыша

Прохудился мой дом:
Проливает дождём
Обветшавшую крышу и стены.
Ветер рыскает в нём
Тёмной ночью и днём,
И эфира не ловит антенна.

Это всё – не беда:
Чуть ума и труда –
И у печки сумеем согреться.
Мы поправим дела,
Лишь была бы цела
Крыша в жизни любимого сердца.

Истинное золото

Блеск золота, лучи со всех сторон. –
Мы посетили «Золотой салон».
Хоть не купить – глаза пусть попасутся
Твореньями высокого искусства.

Какого вдохновенья пела лира
В душе, в руках искусных ювелира?
Конечно, все изделия хороши!
Когда их надеваешь для примерки,
То гасят блеск они, и словно меркнут
Пред золотом твоей большой души!

Награды женщинам

Да что там олимпийские рекорды –
Провалов наших бедственный показ!
Вы тянете тяжёлый быт не гордо,
Но ставите рекорды каждый час.

Что там нагрузки лыж и биатлона?
Вы тащите нелёгкой жизни груз.
И под глазами – недосыпа бронза,
И нервные нагрузки будней – плюс.

Турин, Ванкувер, будущее Сочи
Рисуют Олимпийский нам маршрут.
«Ашан», химчистка, у кровати ночи
Лишь к серебру висков их приведут.

И на семью растрачивая молодость,
Не успевая для себя пожить,
Души своей заслуженное золото
Вы с полным правом можете носить!

Сходство

Вселились в них какие души предков,
Какие знания им передались?
Знакомых черт мы видим так нередко
В потомках, что вступают только в жизнь.

Почудятся вдруг выпавшие звенья,
Возможным возрождением маня.
А ведь кипела, словно муравейник,
Моя трудолюбивая родня.

Мой внук глазами будто что-то ищет,
То взглядом испытующим пронзит,
Как будто Дед в коротеньких штанишках
Со старой фотографии глядит.

Внучка

Блеск салюта!
Грохот пушек!
Это всё не просто так:
В День Защитника Катюша
Родилась как добрый знак.
Вырастешь ещё нескоро –
Надо долгий путь пройти.
Будешь нашей ты опорой.
Доброй, ласковой расти!
Маму наградим медалью,
Уважая и любя.
А тебя так долго ждали!
Так скучали без тебя!

Колыбельная

Баю-бай, баю-бай, –
Спи, дружок послушный.
Засыпай, засыпай,
Милая Катюшка.
Какаду на лету
Прямо засыпает.
Кенгуру на ходу
Кенгурят качает.

Баю-бай, баю-бай, –
Спите, глазки, ушки.
Сладкий сон, прилетай
На твою подушку.
Лёг братишка в кровать –
Крепко спит Андрюшка.
До утра собирать
Нам его игрушки.

Утром станешь большой
И красивой самой
С золотою душой
Папочки и мамы.
Ты поедешь в страну,
Где живут медведи,
Где тебя очень ждут
Бабушки и деды.

Мы весь мир покорим
С внучиками дивными:
Yes, Эндрю! Yes, Кэтрин!
Viva, Бедретдиновы!
Доброй ночи! Ву-бу!
День придёт нескучный.
Татлы жаным, засыпай,
Sleep, my love, Катюша!

Привет в будущее

Давай посадим яблони и груши!
Хоть урожай нам с них не собирать,
Для наших славных внуков-дорогушей
Мы будем их растить и поливать.

Давай посадим яблони и груши!
С уходом повседневным и трудом
Мы вложим в них заботливые души
На долгое хранение – на «потом».

По осени всё, что созреет дивно,
Расскажет нашим внукам о былом.
Хоть срок последний мы не отодвинем,
Но в том саду на время оживём.

Чтоб в будущность цветением врываясь,
Быть может, память малость удлиним
Сегодня сами мы, плоды срывая,
Что дедами посажены, едим.

Рассеяние

Что ж стариков так мало я расспрашивал
Об ихней славной молодой поре –
Так мало знаю я про деда нашего,
Чтоб рассказать сегодня детворе.

А нынче все потомки так рассеяны:
И Хельсинки, и Франкфурт, Сидней, Рим...
Одни встречают жаркий день весенний,
Другие – ночь с дыханьем ледяным.

Меж нашими домами время сдвинуто.
Земной под нами в разном цвете шар.
Расчетвертована судьбой, располовинена
У нас в крови татарская душа.

Видать, всегда нам было в доме тесно:
Неведомый манил нас в жизни край.
Дай Бог чтоб в сердце сохранилась песня,
Которую сложил для нас Тукай.

Расставания

Коль в соседнюю деревню
Уходила молода,
Отдавали замуж девку –
Расставались навсегда:

Шли века... И вот деревни
Потянулись в города.
Возвращения – очень редки.
Так – письмишко иногда.

Нынче страны, континенты
Стали ближе меж собой:
Есть мобильник с Интернетом,
В самолёт садись любой.

Скоро дальние планеты
Обживать рванёт народ.
И страдания наши эти
Вряд ли в путь с собой возьмёт.

Лишь в минуты расставанья
Разве что взгрустнёт слегка –
Не «Прощай», не «До свиданья»,
А «До связи» и «Пока».

Родители-герои

Нас восемь у мамы детишек.
Вскормила всех и подняла.
А нам и второй – уже лишний:
Нет времени, денег, дела.

Все выжили, выросли – восемь.
Все стали по жизни людьми.
С одним задаёмся вопросом:
Как ты управлялась с детьми?

Отец мой окончил два класса.
Два вуза твой сын одолел.
Но мудрость всей жизни прекрасной
Для многих – мечтаний предел.

Давно этот мир ты оставил.
Я сам – уж старик для ребят.
Отец мой – Учитель, Наставник –
Мне так не хватает тебя!

Родной язык

(перевод стихотворения Г.Тукая)

О, язык родной прекрасный,
О, родителей язык,
Сколько в жизни истин разных
С помощью твоей постиг!

Ты впитался с колыбельной,
Что над люлькой пела мать,
Чтоб ночами упоенно
Сказкам бабушки внимать.

О, язык родной, всегда ты
Понимал и выручал,
С детских лет с тобою радость
Познавал я и печаль.

Как в младенческой молитве
И сегодня я молю:
«Господи, меня помилуй,
И отца, и мать мою!»

Лейли и Меджнун

На синеве Земли
Каждую сотню лет
Песню любви к Лейли
Снова поёт поэт.
Снова на нервы струн
Пальцы его легли.
Всхлипывает Меджнун:
– О, Лейли!

Не увлекла его страсть
К золоту и вину,
Не опьянила власть,
Верил в любовь одну.
Что может быть ценней
Высших богатств Земли!
Кто может быть нежней,
Чем Лейли!

Много имён у ней –
Произносить их честь:
Джувейтга, Изольда, Сольвейг, –
Всех и не перечесать.
Через столетья юн
В разных концах Земли
Песни поёт Меджнун:
– О, Лейли!

Тайна

Вот так и бывает: казалось, случайно
Раскрылась, к несчастью, их сладкая тайна.
Теперь уж кричи – не кричи «караул!» –
О том, что украдено, ветер шепнул.

Никто б не повёл в эту сторону носом,
Когда бы обычной тут веяло прозой.
А в том-то и дело, что ветер принёс
Откуда-то запахи утренних роз.

Никто и не должен был знать о свиданьи.
Как могут уйти сокровенные тайны?
Да вот – заглядевшись на этот дуэт,
И звёзды проспали законный рассвет.

Казалось: никто, никому, ни полслова.
И в этом поклясться все были готовы.
Но вот – на волну накатилась волна,
И стала смышлёным картина ясна.

Ах, сколько случилось трагедий, как эта:
Тахир и Зухра, и Ромео с Джульеттой.
Судьбу повторить их никак не хотим –
Поможем хорошей концовкою им.

Ничто на Земле не бывает случайным,
Ведь всё, что случилось, теперь-то не тайна.
Уж мать-то согласна, смирился отец, –
Такую развязку придумал мудрец.

Флейта и арфа

Пусть гимн Гименея звучит под фанфары –
Ансамбль рождается Флейты и Арфы.
Вчера только были – жених и невеста.
Теперь вы семьёй называетесь вместе.

Пусть песня любви никогда не прервётся,
Наполнив симфонию ваших эмоций,
Чтоб только весна и горячее лето
Звучали в мелодиях Арфы и Флейты.

Берите карьеры и знаний высоты,
Вперёд продвигаясь вдвоём, как по нотам.
Друг друга всегда берегите, жалейте
По жизни созвучные Арфа и Флейта.

Пусть тема любви развивается дальше
На чистых тонах без помарок и фальши.
Пусть явится миру волшебное царство
Божественной музыки Флейты и Арфы.

Хоть жизнь широка, и бывают печали,
Но чтобы – и тут вы совместно звучали:
Встречали судьбы неизбежной удары,
Держа унисон свой и Флейты и Арфы.

Окрепнув в ансамбле, блестящий дуэт
Пусть преобразится хотя бы в квартет.
Пока в состоянии – Ира с Хайдаром,
Помогут гармонии Флейты и Арфы!

Деревянная свадьба

Коль прожили срок исправно
И проверили судьбу,
Молодым давалось право
Строить новую избу.

Так смолою пахли пряно
Брёвна, доски, свежий брус...
В каждом деле деревянной
Бытовала прежде Русь.

Всё: сундук, кадушка, плошки,
Ступка, грабли и рубель, –
Из полен рождались ложки,
Образа и колыбель.

Мог телегу или скалку
Мастер сладить топором,
Веретенце, гребень, прялку
И наличник для хором.

Миновал ли случай страшный,
Или зло нас обошло –
Мы стучим по деревяшке:
«Слава Богу – пронесло!»

Основательна и прочна,
Словно дерево, семья:
Корни есть, задумки-почки,
Ветки – дети и друзья.

Славу дереву слагать бы
Мог ещё я долго тут –
Знать, недаром эту свадьбу
Деревянною зовут!

Концерт Альта

Ивану Нумерову

Звучат здесь музыкальные пиры:
Не президентской планкой ли игры?
В сердцах дробя накопленный базальт,
Играет мощный Нумерова альт.

И струн тугих натянутые нити
Протяжны, словно рельс дорога в Питер.
Смычок, напоминая тетиву,
Летит «Стрелую красною» в Москву.

И сыплются из чрева скрипки ноты,
Гоня исполнителя до пота.
Сонат и скерцо разъярённый вал,
Со струн срывая, он бросает в зал.

Лиц восхищённых светится сиянье.
Зал слушает, прервав своё дыханье.
Уже маэстро на гастроли мчит,
А музыка ещё у нас звучит.

Венок любовных песен

Н. Расторгуеву

В людях песнями доброе сеет,
Как от бурь повседневности щит.
Над Россией, любимой Расеей,
С хрипотцой его голос звучит.

Из-под век, от бессонниц набрякших,
Светит в зал его сердца огонь.
Как когда-то в военной землянке,
Задушевно вдруг вступит гармонь.

Достаёт из заветной шкатулки
Песню-праздник и песню-салют
О московских дворах, переулках,
Про забытый старинный уют.

Подпевают партер и галёрка,
Посылая ответный свой пыл
Парню во фронтовой гимнастёрке,
Что батяня-комбат подарил.

На него стать похожим мечтают
Все ребята у нас во дворе.
И за ним устремляются стаей
По высокой-высокой траве.

Нашей Родине верен он грустной,
Продолжая свой песенный сказ
От столицы и до захолустья,
Про Сибирь, про Арбат и Кавказ...

Канатная дорога

Гудит канатная дорога.
Трясаясь, вагончики летят:
Один себя толкает в гору,
Другой спускается назад.

Вагончик жёлтенький, весёлый –
В нём – иностранный гражданин
Затягивает гордо соло
Про «Yellow, Yellow submarine».

Во встречном – наши патриоты
Запели над крутой тропой:
«Когда усталая подлодка
Из глубины идёт домой».

Вагончик, взад-вперёд мотаясь,
Наверно, тоже устаёт.
А песня, в небесах качаясь,
С надеждой к пристани плывёт.

Певец

О чём ты поёшь задушевно, певец,
Властитель над музыкой чудной,
Возвышенный дух, утешитель сердец,
Нам дарящий праздники в будни?

И, делая сумрачный мир наш светлей,
Рождают волшебные звуки
Весёлые песни, как встреча гостей,
И грустные, словно разлуки.

Порою и слов не совсем разобрать
Со вкусом вина или хлеба.
Но душу, на крыльях подняв, благодать
Возносит под самое небо.

Кому-то послышится шёпот любви,
Другому – волнение дуба.
Родятся у каждого, верно, свои
Задетые песнею думы.

Ответной волною из наших сердец
Вздымается радость такая,
Как будто, нам души очистив, певец,
Как пастырь, грехи отпускает.

Песня ручья

Там, где цапли бродят озером туманным,
Выхожу я осторожно на простор.
Пятернёю машет папоротник плавный.
Расстиляется долина, как ковёр.

По холмам сбегая вниз, теснюсь в утёсах,
Под мостами, мимо сёл летит струя,
Обрываются тропинки у погостов –
Люди – гости на Земле,
Но вечен я.

Путь мой – долгий до впадения в воды речки,
Путь мой – труден в брызгах, в пене, как в поту.
Тихой заводью, водоворота речью
И шуршаньем гальки славлю красоту.

Берега за мною вторят гибкий танец.
Обегаю с ними дивные края.
Заколдованные скалы рыцарями встали,
Вслед склонившись, ивы плачут в три ручья.

В хор могучий звучный бурной речки
Песнь вливается нехитрая моя.
Под луной на свете ничего не вечно –
Люди – гости на земле,
Но вечен я.

Песни скворца

От звука знакомого внутренне сжался.
Готовый огнём отвечать иль залечь.
За свистом мучительным взрыв не раздался,
Не взвился положенный огненный смерч.

И снова свистит, нагнетая тревогу,
И взрывом опять не кончается свист.
Вдруг вижу, в себя приходя понемногу,
Что это скворец выступает – артист.

И смех разбирает – ах ты, окаянный!
И стыдно – вдруг кто-то заметил испуг?
И горько от мысли, что здесь исполняет
Военные песни пернатый наш друг.

От дома вдали не трепли нам нервишки,
Не пой под душманскую дудку, скворец.
Мы здесь для того, чтоб афганским детишкам
Ты мирные песни запел наконец!

СОЛОВЬИ

Они что, ошалели, что ли,
В своей безудержной любви?
Поют в лесу, в садах и в поле
Свихнувшиеся соловьи.

И нам, седым, и соловьям
Полночи не дают уснуть –
Твердят, высвистывают лихо:
«Ещё чуть-чуть! Чуть-чуть-чуть!»

Была бы соловьяха рада
От этих трелей улизнуть,
Но покоряет серенада
Про это нежное «чуть-чуть».

А сами в молодости жаркой,
Желая в сердце заглянуть,
Гуляли до утра по парку
И всё: «Чуть-чуть! Ещё чуть-чуть!»

Как пролетела жизнь мгновенно!
И дней вчерашних не вернуть.
Казалось, до отдохновенья
Осталось-то всего чуть-чуть.

А вот уж – и года седые,
И где-то ждёт последний путь.
Деньки считая золотые,
Мы молимся: «Ещё чуть-чуть!»

Страстная игра

Он нежно к ней щекой прижался
И шею обхватил рукой.
И по груди её, как в трансе,
Водил туда-сюда другой.

Глаза закрыв от упоенья,
Над нею, не скрывая власть,
Всем сердцем, в каждое движенье,
Творил он, вкладывая страсть.

Она – послушная, как эхо,
Всё, что прикажет он, родит.
И стон её ответно эфы
Выбрасывают из груди.

А он безумствует в запале,
И капли катятся со лба,
Но кажется, что ей всё мало –
Ему потворствует сама.

Он шлёт поклоны в зал с улыбкой,
Платком с неё стирая пот.
В руках его умелых скрипка
«На бис», счастливая, поёт!

Старая пластинка

Я этот голос слышал где-то...
Постой, не ангел ли поёт?
Зовет: «Вернись, вернись в Сорренто,
О, солнце, солнышко моё!»

Ах, сколько же невозвращений
И сколько нерасцветших зорь,
Обид напрасных, непростений
Пришлось мне пережить с тех пор!

Менялись нравы и пристрастья,
Каноны песен и любви,
А я иду порой к причастью
В те незапятнанные дни.

Чарует старая пластинка,
Но не сбылось ведь ничего...
И плачет мальчик Робертино
Слезами детства моего.

Учителю музыки

Из лютни той не извлеку и звука –
Наверно, не пошли занятия впрок.
Целую, мой учитель, Ваши руки
За каждый Ваш преподанный урок.

Душой делились щедро и талантом,
Себя не сберегая про запас.
Не все посевы дали музыкантов,
Но человечность вырастили в нас.

Оркестр

Настраи́вает струны
Невидимый оркестр.
Все голоса июня
Притихли вдруг окрест.

И грянула соната
Стремительно, как вихрь,
Под мощные раскаты
И кличи духовых.

И звуки проливались,
Печали не тая.
Никто не догадался,
Что та печаль – моя.

Замолкли инструменты.
Мгновенье погода –
Листвы аплодисменты,
Овации дождя.

Музыка дождя

Моросит, и льёт, и хлещет
Без просвета, не в сезон –
По примете самой вещей
Мокрым был опять «Самсон».

В струях вытянулись лица,
Дождь ведёт их, как конвой,
Мокнут зданья, мокнут листья,
Мокнет бедный постовой.

Воздух сетчатый и зыбкий,
Из какой-то мутноты.
Как в аквариуме рыбки,
Разноцветные зонты.

Чудится душе усталой,
Будто к тучкиным губам,
Прикоснувшись, заиграла
Водосточная труба.

Гром опробовал литавры
И с размаху – в барабан,
Ветер в сто смычков ударил,
Зазвучал дождя орган.

Льётся музыка из тучи –
Как я раньше не слышал? –
Дружно сыгранное тутти,
Гром последний и – финал.

Солнце! Снято с нас проклятье,
Но немного погода
Начинает не хватать мне
Щедрой музыки дождя.

Осенний псалом

Осени дивной помолимся,
Сложим духовный псалом,
Истовой огнепоклоннице
Добрую славу споём.

Красок торжественно шествие.
Стройно природа поёт.
Листья ликуют и чествуют
Праздник престольный её.

Неповторимый наряд её –
Тысячелистный салют.
Жаром деревья объятые,
Словно хоругви, цветут.

Яростная и покорная,
Ясный и искренний взгляд.
Лики её чудотворные
Раны души исцелят.

В россыпь последнюю кутаюсь,
Прячась от всяческих бед,
Как в одеяло лоскутное
Бедных моих детских лет.

Вдарят морозы, и охну,
Сердце опять заболит:
Эту наивную охру
Густо снежок забелит.

Чарующие звуки

Давно уже я восхищаюсь ею,
Как одержимый скульптор – Галатеей.
Хоть чуда оживленья не творю,
Но голос этот я боготворю.

Кто мастер твой – великая загадка.
Кто с щедростью душевной так богато,
Фантазию ума вложив и сил,
Такое чудо людям подарил?

Быть может, чтоб родился первый звук,
Создателю помог когда-то лук,
Когда, готовясь возбуждённо к бою,
Игрался с тетивою древний воин?

О тех боях сложили барды руны,
И тетива помножилась на струны.
Была ли это лира или саз –
По-разному толкует давний сказ.

Но, вырастая струнами из лиры,
Пустилась арфа странствовать по миру.
И каждый край частицу мастерства
Добавил в сотворенье волшебства.

А может быть, ещё из Атлантиды
К нам сквозь века плывёт кариатидой?
И не один художник и поэт,
Её рисуя, свой оставил след.

Звучали гимны, славя фараонов,
Под арфы оглашали свод законов.
В Элладе исполненьем превзошёл
Соперников божественный Эол.

В страну вступая, впереди не войско,
А полк арфистов ставил Македонский.
Защитники, не потеряв лица,
Границы открывали и сердца.

У персиянки струнных переборов
Рисунок – как ковровые узоры.
А кельтская жена, что мужа ждёт,
У моря сети звуками плетёт.

Хранят её изображения фрески –
Застывшие на древнем камне песни.
«Песнь песней!» – Уж не тем ли знаменит
Под арфу их сложивший царь Давид?

Стоит на сцене арфа, как царица,
Короной золочёною искрится.
И белая нежнейшей деки грудь
Волнением вибрирует чуть-чуть.

Колки златыми пчёлками присели
На лебединой линии вербели.
Колонна тянет вверх свой стройный стан –
Тамбурмажора правящий султан.

Садится исполнитель вдохновенный,
Как с Саскией Рембрандта на коленях.
И приглашает жаждущих кумир
Аккордами на музыкальный пир.

И вот они – серебряные звуки!
Их сердце извлекает, а не руки.
Волною упоения сердца
Благодарят за празднество творца.

Не с арфою ли Зевс пришёл, играя,
Чтоб покорить прекрасную Данаю?
По ней от звуков – трепетная дрожь,
Как будто золотой пролился дождь.

Органом зазвучать хоральным может
И пикколо – иголками по коже.
И гимн высокий, и интимный зов
Доступны её сотне голосов.

Под пальцами умелыми от ласки
Разбрызгивает смех свой Златовласка.
То ввысь возносит, то уводит вдаль,
Из сердца достаёт мою печаль.

Ладочки две, как два листочка клёна,
Друг к другу рвутся, распаясь влюблённо,
Сквозь дождик разделяющих их струн.
И я когда-то пылок был и юн.

И счастлив был, и сам дарить мог счастье.
Какие чувства унесли напасти!
Кого винить в несбывшемся, в беде?
Всё кануло – круги лишь на воде.

Смывают горечь радостные струны –
Воды живой пролившиеся струи.
Но нет воспоминаниям конца –
И пальцы рвут не струны, а сердца.

Проходит всё...
Поёт: «Грустить не надо!»
Бодрящее бравурное глассандо.
Как шепоток на ушко – флажолет:
«Ведь впереди так много светлых лет!»

Ведя беседу языком гармоний,
Триолей чистых наплывают волны.
Возвысят дух, падут в молитве ниц
То вальс цветов, то пенье райских птиц.

То возбуждают вспыхнувшим фонтаном,
Баюкают неспешным караваном,
То колыбельной маминой привет
И над Москвою брызнувший рассвет.

Арпеджио, вливая в нас томленье,
Уставшим душам дарят обновленье.
Аккордов завершающий прибор –
Гимн чувству примирения с собой.

Блаженство! Не грехов ли отпущенье?
И гаснет жажда давняя отмщенья.
Из тьмы выводит Ариадны нить.
Простите все, кого не смог любить!

Бушует зал, ликуя от восторга,
Как будто побывав в гостях у Бога.
И к каждому найдя свои ключи,
Уже умолкнув, музыка звучит.

Открылся разум недоступным знаниям
О месте человека в мирозданьи.
И, утешая боль былых потерь,
Звучит сама не музыка ли сфер?

Счастливей их, наверно, нет на свете –
Даруется арфистам долголетье.
Лишь знает Бог, мозоли как растут
На пальцах и сердцах за тяжкий труд.

Ли́ра

Где ты, детство?
Где ты, наша юность?
Где ты, время, полное чудес?
А любовь перебирает струны,
Как звезда, упавшая с небес.

Нет тебя прекрасней в целом мире,
Небосклона моего зенит.
И моя разохшаяся лира
Вдруг по-молодому зазвенит.

Музыка зодчества

Моря ли шум подарил наваждение,
Снов ли провидческих то порожденье –
Мрамор резной, черепица, гранит
Музыкою мозаичной звучит.

Разных эпох одержимые зодчие
Неповторимый свой след напророчили.
Сплав их фантазии и мастерства
Магией славит молва.

Вот по ступенькам, как нотные знаки,
В горы взбираются в ритме Сиртаки
Стройные башни, дворцы и дома.
С ними – природа сама.

Крыш черепичных юбочки – ну надо же! –
Кружатся, будто подхвачены «Чардашем».
Город – ожившие тысяча сцен
Для Фигаро и Кармен.

И трубадуры по улиц расщелинам
Сколько сердец разбудили распевами!
Отзвук их – в ратных делах
И на старинных гербах.

Как здесь созвучны различные стили!
Слышит балкон серенады Севильи,
Венецианских каналов не счесть –
В них гондольерская песнь.

Улиц мощёных блестящие плиты
Маршами римских солдат знамениты.
И на камнях у воды
Есть крестоносцев следы.

В воду сбегая, ступени пропели
Огненный танец и песнь «Тарантеллу».
И мандолина под аркой ворот
Снова в Сорренто зовёт.

Пусть твой рассвет никогда не закатится.
Людам всё так же звучит Адриатика.
Мир тебе, потом возделанный рай,
Струнами сердца играй!

Тарантелла – Скерцо о Риме

О! Как звучание Рима мажорно:
Воздух насыщен певучим «Бонжорно!»,
Будто бы песнею чистой, задорной,
Как посетившая в жизни мечта.

Гордо глядит на владения Форум,
И колоннада, подобная хору,
Мощно о вечной любви, об «аморе»
Нам декламирует: Красота!

Город роскошный, немного нескромный,
Улицы длинные, как макароны,

Как панталоны у этой матроны, –
В общем, богатство и простота.

Вот синьорина прекрасная – «Белла»
С быстрой походкою, как тарантелла,
Ликом с волшебных картин Ботичелли,
В ней – непосредственность и чистота.

Все от рождения здесь музыканты –
На площадях не смолкает бельканто,
Видно, в крови животворное Кьянти
Будит таланты их неспроста.

Всё переменчиво, непостоянно
Вплоть от «фортиссимо» и до «пьяно».
Грация линий и форм без изъяна –
Избраны Богом эти места!

Чувства взрываются, словно Везувий,
Для сладострастия и для безумий.
Сердце «аллегро» и без раздумий
Рвётся к любви, словно в рая врата.

Столбик за солнышком тянется ртути,
И впечатлений обвальное «тутти»
Ошеломляет до сладостной жути.
Грация, Рома!
Будь феличита!

Сиртаки о Кипре

Мандолина
Начинает Сиртаки певучим щипком-шепотком,
Афродита,
Здесь рождённая, в круг завернёт ветерком.
Кипарисы,
В такт качая султанами, строятся в ряд,
И капризно
Золотыми серьгами цыганки бананы горят.

Вторят волны,
Жемчугами осыпав гирлянды прибрежных цветов.
Белый город
Белым амфитеатром смотреть представление готов.
Белый парус
Над волнами танцует и чувствует власть,
Видно, пафос
Правит островом, мощь ощущая и страсть.

Для героев,
Для бессмертных героев Троянской войны
Стал покоем,
Колыбелью стал остров рождения новой страны.
И в обычай
Превращались всё чаще спокойные дни.
Даже Ричард
Своё Львиное сердце раскрыл для горячей любви.

О, Эллада!
Ощущается в мелочи каждой, во всём.
Гостю рады,
Гостя танцем встречают и терпким вином.
Киприоты
И горды, и приветливы, но и с хитринкой притом,
Патриоты
Своей Родины райской, возделанной честным трудом.

Расставаясь
С удивительной этой страной,
Сомневаюсь:
Неужель эта сказка случилась со мной?
Призывая,
Будут сниться мне, Кипр, твои города.
Вся сверкая,
Улетает монетка –
Сомкнулась вода...

Властитель

Врагов могучих одолев,
Себя, красуясь силой,
Мнит тенью Бога на Земле.
А кто ж тогда светило?

Звуки бузуки

По скульптурам знакомые руки,
Вдруг ожив, оживили и нас:
Не спеша, начинают бузуки
Об истории греческой сказ.

О философах, славных героях,
О Республике в бурных веках,
Легендарной воинственной Трое
И искусства золотых образцах.

О, державы морской одиссея!
Освоеные чужих берегов:
Крым, Кавказ, ну и дальше, на Север –
До московских палат и дворцов.

Имена живописцев находим:
Дионисий и грек Феофан,
Праотцы – и Кирилл, и Мефодий,
И духовник царя Киприян.

Хоть всегда были цепки и стойки
Боевые Эллады сыны,
Но предстала и им перестройка,
Пострашнее Троянской войны.

Погнала их, как многих, по свету
Жизнь с насиженных мест мирных дней –
Через долгие тысячелетия
Возвратился домой Одиссей.

Он глядит на забытые горы –
Детство предков так было давно,
Словно дань колыбельному морю –
Лучших шуб золотое руно.

Греки русские, радуя души,
С нами могут петь хоть до утра.
И слышна вдруг в «Сиртаки» «Катюша»
И известные всем «...вечера».

После первых стаканов – уж проще,
Легче сердца непрошенный груз:
Тост за Родину, Красную площадь,
Ностальгия за бывший Союз...

В удивлённых глазах их – разлука,
Обращается в прошлое взгляд.
И вибрируют струны бузуки,
Потерявшие внутренний лад.

Есть у них всё, как в Греции, вроде бы,
Но чего-то так сильно им жаль.
По далёкой утраченной Родине
Не скрывают бузуки печаль.

Элегия о Кисловодске

Какие времена!
Романы и романсы
Промчались-пронеслись
В долине Алых Роз...
Строений артистизм,
И цветников жеманство,
Коварство и Любовь –
И в шутку, и всерьёз.

Какие имена
Здесь некогда гремели!
Сегодняшним искусством
Так сиротлив Курзал.
О, чудный Кисловодск!
Не только вод целебных –
Источником творений
Высоких ты бывал.

Так в прошлое манят
Спирали улиц узких,
И, тайнами дыша,
Встречает поворот.
Из стрельчатых окон,
Из башен смотрят музы,
Грустя о том, что их
Никто не позовёт.

Песня о Паланге

Сладко труба выпекает забытое танго.
Красные шапочки вилл хороводят в Паланге.
Медью оркестра пылает закатное солнце.
Светятся, в танце качаясь, янтарные сосны.

Песни веков, веру предков, язычников пламя –
Помнит и молча хранит всё янтарная память.
Помнят солёные брызги воды
Поступь тевтонцев и скачки Орды.

Помнят песчинкою каждой янтарные дюны
Возраст Земли целомудренной, дикой и юной,
Неба знаменья, загадки морей,
С чистой природой согласие людей.

След ли огня ты, космических взрывов, безумий?
Или отлил тебя древний, проснувшись, Везувий?
В глазках твоих так виденья свежи –
Нам о былом всё, янтарь, расскажи.

В капельке каждой – спектакли, миры декораций.
Зрители – волны, и шум не смолкает овец.
Сверстника мамонта пляс комара,
Стебли роскошных невиданных трав.

Эгле горючие слёзы и пламя Бируты,
Вечная спутница жизни – зелёная рута.
Дайны янтарные шепчут слова,
Путь твой в веках воспевая, Литва.

В синих туманах, в дождинках и в клёнах червлёных
Звуки палитры, которой чарует Чюрлёнис.
Круг годовой, как живые природные слайды, –
Так воспевал их бессмертной строкой Донелайтис.

Город уснул. Только вечному морю не спится:
Волны по гребням листают, как книги страницы,
В Книге былой и грядущей судьбы
Время то спит, то встаёт на дыбы...

Ностальгия

Снег приснился сегодня с утра,
Значит, нам собираться пора.
Ждут нас поздняя осень, скупое предзимье
И холодные наши ветра.
Разве выпьешь душою до дна
Море солнца и море вина?
Хоть хорош и пригож этот берег Турецкий,
Но милее родная страна.
До свидания, сказочный блеск!
Здравствуй, тихий заснеженный лес!
Как бы ни было здесь и тепло, и прекрасно.
Кратки в жизни сезоны чудес.

День туркменского скакуна

От крестьянина до президента – страна
В ожидании возбуждена:
Отмечает в апреле веками она
День туркменского скакуна!

Предков славных достойных и многих колен
Жизнь коням огневым отдана.
Ну, скажите по чести: какой же туркмен –
Без туркменского скакуна?

Степь без края, пустыня и солончаки,
И дорога, как к звёздам, длинна.
Безвозвратны – барса кельмес – смельчаки
Без туркменского скакуна.

Если сердце зажгла неуёмная страсть,
Не спасут ни забор, ни стена:
И джигит в старину, как невесту, украсть
Мог туркменского скакуна.

Весть ли добрую в дальний аул донести,
Ну, а если случится война?
Ведь туркмену нельзя – как ты тут ни крути –
Без туркменского скакуна.

И к прогрессу большой совершая рывок,
Не галопом ли скачет страна?
Так даёт отстающим соседям урок
Пыл туркменского скакуна!

Крепкое соседство

Задолго ещё до библейских пророков,
В трудах выживая и в битвах жестоких.
Огню поклонялись и богу Тенгри –
Туркмен праотцы были солью Земли.

На битву аскеров без слёз провожали
Туркменки двужилые и аксакалы.
Звучали о воинах песни бахши
Победных пиров в каракумской тиши.

Летели над древней страной века.
Могилы истёрлись в барханах песка.
Свободы огни разжигая в груди,
Рабы захотели назваться людьми.

Едины с Россией в крушении царства,
Туркмены своё обрели государство
И двинулись сразу в развитии вперёд –
Как много народу свобода даёт!

В едином строю в 40-грозном году
Отцы наши вместе отбили орду.
Мы помним понятия не знающих «плен»,
Героев Союза – отважных туркмен.

И беженцев рать благодарна теплу –
Делились последним туркмены в тылу.
В войну принимать был блокадников рад,
Встречая, как братьев своих, Ашхабад.

Зато в час беды, выручая из ада,
Когда содрогнулась земля Ашхабада,
Печалей, трудов и строительства груз
Так дружно на плечи взвалил весь Союз.

Лет двести прошло, но сердечные песни
Нас трогают искренне Молланепеса.
И сто поколений туркмен подросли
По мудрым учениям Махтумкули.

Путь Шёлковый вновь возрождают «КамАЗы,
Идя из России к Кара-Богазу.
Стране удалось, как ракете, взлететь,
Где топливом – газ и каспийская нефть.

Где предков, как прежде, и любят, и чтут,
Где всякий в почёте для Родины труд,
Где дружбой силён на Земле человек –
Идёт в XXI уверенно век!

Взлёт Баку

Взлетает Баку из старинных кварталов,
Как юный орлёнок из скорлупы, –
Стеклянные крылья, тело из стали,
Спорткомплекса круг – отраженьем Луны.

Взлетает Баку устремленьем высоток,
Макушками башен на древних домах.
Восточным ковром не из камня ли соткан
Узорчатый город в умелых руках?

Взлетает Баку эстакад новизною,
Цветами бульваров, простором дорог,
Прохладой фонтанов, спасая от зноя
Трудом заслуживший благое народ.

Взлетает Баку реактивную тягой,
На нефти, на газе, на честном труде.
Рачительно тратит мудрый хозяин
Сокровища недр для достатка людей.

Богатый историей самой глубокой
И нынешним дням говорит он: «Салям!»
Встречает Баку как ворота Востока,
Открытые всем дружелюбным сердцам.

Для блага продумано всё человека,
И дышится легче в стремленьи вперёд.
Взлетает Баку к XXI веку,
На равных с эпохой свершая полёт!

Гранатовый город Сиде

Волны с пеной обрывки полощут
Давних снов о гранатовой роще,
Что сбегала к лазурной воде.
Город звался Гранатом – Сиде.

Были зёрна белёсы и горьки
От обилия страха и горя.
Диким был в эту пору гранат,
Как державший всё море пират.

Шли сюда, разрушая преграды,
Вездесущие дети Эллады,
Лавы грозные римских солдат, –
Кровью их напился гранат.

Здесь с войсками прошёл Македонский,
У пиратов отбив полуостров.
Персов бился отважный отряд –
И красней наливался гранат.

Византийских в нём кровь венценосцев
И залётной братвы крестоносцев.
В алом соке созревших плодов –
Павших турок победная кровь.

Вдов слезами в войне утомлённый
Вкус граната был горько-солёный.
Истекал алым соком, страдал,
Что оружие название дал.

Убивал, разрывал перепонки,
Называясь порою «лимонкой».
Сколько в мире погибло солдат
От заряженных смертью гранат!

Словно крови застывшие капли,
Превращённые временем в камни,
Вёз вояка наградой с войны
Ожерелье для верной жены.

Были мирные в жизни години.
Грандиозной эпохи руины,
Поражая сегодня, стоят,
Как разломленный спелый гранат.

Без войны, к быту вновь приспособясь,
Варят люди гранатовый соус.
Утешают о прошлом печаль
Сок, вино и гранатовый чай.

Купола на кровавом закате
Отраженьем горят, как гранаты.
И рябят, как гранатовый кров,
Черепичные крыши домов.

Город славный у самого моря
Бурно строится в мире без горя.
Он цветёт, как гранатовый сад.
Сладким стал наконец-то гранат!

Каширский край

Каширский край!
Какие времена
Над кручами твоими пролетели!
Каких врагов настырных одолел ты,
Страданий чашу осушив до дна!

Каширский край!
Какие письма
В страницы всей истории России
Написаны твоею ратной силой!
Москва тобой не раз защищена.

Каширский край!
Какие имена
Блистали на достойном небосклоне –
Талантливых, отважных, непокорных,
Которыми гордится вся страна!

Каширский край,
В стране ты не один,
Воспетый славой и богатый прошлым.
Судьбой мы не кичимся и не ропщем,
А с верою в грядущее глядим!

Знакомые места

Хоть я здесь и не родился,
Дарят щедро мне любовь
Эти кручи, эти выси
И изгибы берегов,

Ручейков крутые спуски,
Палисадов ералаш
И глухих проулков узких
Колоритнейший пейзаж.

И не зря же живописцы,
Выбрав здешние места,
Оторвать не могут кисти
От ожившего холста.

С полотна звучат закаты,
Отражённые рекой,
Горлиц утренних сонаты
И курантов вечных бой.

Берег – в ласточкиных гнёздах,
И домишки – им под стать,
Голубой сирени гроздь,
Райских яблонь благодать.

Дали окские окинет,
Запоёт, как соловей,
Богатырь, певец былинный
Малой Родины своей.

Полоскать мне душу будут
Струи звонких родников
И мерцающее чудо
Серебристых облаков.

А уж гордые поэты –
Не во славу ль всех святых –
Посвятили долам этим
Не один хвалебный стих,

Отразив своей строкою
Блеск оживших куполов,
Плеск весёлый портомоек
И цветение садов.

В этот труд словесно-ткацкий
Я свою вплетаю нить.
Мало чем-то восхищаться –
Надо Родину любить!

Песни дружбы

На рынок зашёл в выходной, в Тёплый стан.
Почудилось, что ли: «Аршин Малалан...»?
Верчу головою. Два шага вперёд –
Кавказец с усами тихонько поёт.

Ту песню я в детстве услышал давно,
Когда напротырку ходил я в кино.
И после сеанса в восторге пацан
Бежал, распевая: «Аршин Малалан!»

Всё было понятно, открыто, легко –
С товарищем Гиви я пел Сулико.
Спевали с Миколой, пьяны без вина,
Как нас пидманула дивчина одна.

Никак не забыть белорусской поры:
Не смолкли донине в душе «Песняры».
Жизнь, может, не лёгкой, но светлой была,
О чём распевал наш узбекский «Ялла».

Ни «чёрным», ни «жёлтым» не звали людей –
И пёстрым был мир лишь по цвету идей.
Единым народом мы были тогда,
Пока не пришла Перестройка сюда.

Вот так с новым другом на рынке стоим:
С тоскою о жизни былой говорим.
Хоть не было в плане, я что-то купил –
В честь Дружбы Советской он мне уступил.

Песни Окуджавы

Семь бардов, как семь струн гитары,
Аккорды первые берут.
Они сегодня Окуджаву
Для нас торжественно поют.

Мы с ними подпеваем вместе,
Сливаясь в хоре, как ручьи.
Надежды маленький оркестрик
Уже у нас в сердцах звучит.

Троллейбус синий подплывает.
Автобус новенький встаёт.
А барды только подпевают –
На самом деле зал поёт.

Уже поём со сценой вместе
Арбатским переулкам гимн.
Ещё одну хотя бы песню,
Одну на всех – мы за ценой не постоим.

Вслед комиссарам в пыльных шлемах
Те песни двинулись в народ.
И семиструнные поэмы
Не зал, а вся страна поёт.

Концерт окончен, как ни жалко.
Затих уставших струн аккорд.
Но в каждом сердце Окуджавы
Ещё пронзительно поёт.

Исаакиевский собор

Здесь нету мыслящих инако,
Одна здесь вера у людей.
Громадой сводчатой «Исакий»
Диктует свод своих идей.

С икон взирают лики грозные,
Труба архангела поёт.
Но вот напомнил мрамор розовый
Мне тело тёплое твоё.

Смотрю под своды, замирая, –
Там судией навис Христос.
Но на лице моём играет
О страсти лира из волос.

Апостолы, грехи прощая,
Пытаются навеять грусть,
Но, купол видя, ощущаю
Ладонью вспыхнувшей вдруг грудь.

Искусный вычур малахита,
Мозаик кружево цветных...
Быть может, в Вас сокрыта хитрость
И искусства от сатаны?

Творит художников сословье
На вдохновеньи и крови.
И всё, что сделано с любовью,
Напоминает о любви.

Осенний храм

Готова всё живое к летаргии,
Звучит дождей протяжных литургия.
И, сбрасывая мелочности хлам,
Молясь стихом, вхожу в осенний храм.

Накопленные в дрязгах будней стрессы,
Палитры звучной утишает месса.
К природе с карой городских седин
Я возвращаюсь, словно блудный сын.

Мозаика листвы слагает фрески,
На миг запечатляя арабески
То нежным ренуаровским письмом,
То плоти яркой Рубенса теплом.

Пожухший лист свернулся, как папирус,
В прожилках – миф о сотвореньи мира.
Напоминают благостные дни
Счастливый рай, потерянный людьми.

А листьев лава – в красочном безумьи,
Как будто извергал их сам Везувий.
Под взвизги ветра шальные не прочь
Разыгрывать Вальпургиеву ночь.

Златоволоса, совершенства мера –
Берёза – белотелая Венера.
Мадонны три являют ясность лбов:
Надежда, Вера, чистая Любовь.

Скорбя и плача, косы распустила,
Склонилась ива, словно Магдалина.
Степенно шелестение дубов,
Как поклоненье Осени волхвов.

Являет осень жертвенность Марии,
Себя сжигая, с красотой нас мирит.
Стволы злачёных сосен чинно в ряд
Окладами апостолов горят.

С кровавой меткой листьев на запястьях,
В излом, клён – ещё живой в распятыи.
Над срезом пня, румянец свой не скрыв,
Стоит осина – юная Юдифь.

Царицей Савской – в золоте с рубином –
Гордыню не смирившая рябина.
И Золушкой средь буйства красок – ель,
Ей феей будет доброю метель.

Набухли почки, в оттепель поверив,
И шепчутся – что тайная вечеря.
Но серебром иудиным мороз
К утру застудит искренность их слёз.

Наивность, доброту их – прямо в сердце,
Подобно избиению младенцев.
Не ханжество ли после вопрошать:
Что молодость перестаёт дерзать?

Добро взойдёт, но слабо утешенье
Возможного порывов воскрешенья,
Когда за смелость с паперти корит
Душитель, что под ликом святца скрыт.

И листья оборвёт зима, как жизни,
И вьюгой дикой отыграет тризну.
Ну, а пока – затишье, нега, лень,
Как будто не придёт последний день.

Живое завершается круженье...
Прощанье и прощенье. Успенье.
И вот – уже дымы,
И листья жгут,
Как будто бы – последний Страшный суд

Над тем, что в жизни многого боялся,
Над тем, что не во всём я состоялся,
Над тем, что часто золотые дни
Менял я на бумажные рубли.

Весной родятся новые миры,
Других волхвов – другим Богам дары.
Природа чертит круг неумоимо,
Но что-то для меня неповторимо.

Третьяковка

Князья, зеваки и ярыжники
На выставке – элитный сброд.
Гадают молча передвижники:
«Возьмёт картину – не возьмёт?»

А Третьяковы – братья важные
И тароватые купцы –
У полотна подолгу каждого
Простаивают без ленцы.

Когда б не их стремленье к свету,
Во многом – нищая страна
Не знала б Золотого века
И живописцев имена.

Хоть торговались и подолгу –
Зря не транжирили казны.
Прошло совсем ещё немного:
Сто лет – и нету им цены!

Образ иконы

Вот копьём Святой Георгий
Поражает гада в пасть,
Побуждая нас, греховных,
Побеждать лихую страсть,

И соблазны, и сомненья,
И лукавство Сатаны –
Жизни целой направленья
В этом образе даны.

Кто ж с той истиной поспорит?!
Нам, погрязшим во грехах,
Знаменитый змеборец
Знак даёт на всех гербах.

Потихоньку разумею,
Восходя на пьедестал:
Хоть убил в себе я змея,
Всё же ангелом не стал.

Картина Васнецова

Хоть над землёй – не свет и не заря,
Уже в дозоре – Три богатыря:
Илья, Алёша, оратай Добрыня.
От троицы исходит дух былинный.

Здесь – воинская доблестная сила,
И веры свет в душе неугасимый,
И мощь тугая Матушки-Земли
На холст рукою мастера легли.

Не пряча от тревожной вести лиц,
Который век бессменно у границ,
Спасая Русь от иноземной плахи,
Стоят на страже Воин, Пастырь, Пахарь!

Картина Поленова

Смиренна тишь заросшего пруда.
И ряскою подёрнута вода.
Чьи вздохи и мучительные тайны
Здесь утонули в прошлом навсегда?

Я тоже, заблудившись, иногда
Свои раздумья приношу сюда,
Чтоб утолить последние печали
У старого заросшего пруда.

Картина Айвазовского

Девятый вал!
Сейчас волна накроет
Обломки судна с горсточкой людей,
Или придавит небо грозное
Кромешною громадою своей.

Что остаётся в миг развязки близкой,
Когда от страха перехватит дых:
Надаться на чудо? Помолиться?
И вспомнить позабытых всех святых?!

В судьбе моей, как будто волны эти,
Накатывал порой девятый вал.
И, возвращая чуть не с того света,
Не Ангел ли меня не раз спасал?

Ад испытав, себя не теша раем,
В стихах беру безгрешности обет.
Мой Ангел с кухни, стих мой прерывая,
Зовёт меня на наш земной обед.

Картина Саврасова

Аж дышит картина «Грачи прилетели»!
Хоть маслом написана – нежность пастели.
Грачи на деревьях галдят оголтело.
Проталины всплыли. Сугробы осели.
Налитые влагой, плывут облака.
Но всё же не слышно весёлой капели –
Ну что из того, что грачи прилетели?
А сердце, не чуя весны, не запело:
Какая-то в нём поселилась тоска, –
Кого-то не встретил художник пока...

Картина Левитана

Над вечным покоем,
Последним покоем
С немою тоскою
Плывут облака.
За дальние дали
Людские печали
Уносит, рыдая,
Забвенья река.
Над рощею сонной,
Над старой часовней,
Над мирным погостом,
Крестами, рекой
Ветра отпевают
Простившихся с нами:
Всем – вечная память
И вечный покой.

«Московский дворик» Поленова

На полотне – московский дворик:
Церквушка «Спаса на Песках»,
Такие щедрые просторы
Родного сердцу уголка.

То ли лужайка, то ли площадь:
Колодец, домики, амбар,
С телегой неразлучной – лошадь.
И это – в прошлом – наш Арбат!

Нет ни маршруток, ни трамваев.
Из звуков – только соловьи.
Покой – не слышно завыванья
Спешащей «Скорой» и «ГАИ».

Нет тесноты многоэтажек.
Кругом – зелёная трава.
Ужель была такой когда-то
Одноэтажная Москва?

К корням своим стремимся снова –
Разбит и вновь отстроен храм.
Но та сердечность, та духовность
В наследство не достались нам.

«Бурлаки» Репина

Проще пареной – Репин
Написал: вдоль реки
Тащат барку в отрепьях
Бурлаки, бурлаки.

В этих взглядах угрюмых –
Столько горькой тоски!
Обхватившие груди,
Аж звенят постромки.

В те поры ещё, видно,
Не ходил пароход –
Вместо тяглой скотины
Тянет барку народ.

В кровь изрезаны плечи.
Боль – в разбитых ногах.
И никто не залечит
Этот жизненный крах.

Нет, конечно ж, непросто
Эту гиблую страсть,
Раны царства коросту
Живописцу писать.

За страданья оплату
Всю пропьют у реки.
За страданьем обратно
Побредут бурлаки.

Картина Сурикова

В санях – боярыня Морозова,
Боярство бросив и дворец,
Со светлым ликом, взглядом грозным
Летит пытать судьбы конец.

Её пославшим на распятье
С молитвой жаркой на устах
Она в запале шлёт проклятья
Рукой вздетой – в два перста.

Хоть, как назло, зима лютует,
Но дружно высыпал народ.
И провожает, как святую,
К Голгофе – в северный острог.

Вослед юродивый пророчит
Погибель преданной Руси,
Всем тем, кто истину порочит,
Свои проклятья голосит.

Не приняв всей душой Раскола,
Устои веры в ком чисты,
Шли по своей сердечной воле
В Сибирь, в дремучие скиты.

В печали – на холсте – безмерной
Поклоны люди ей кладут:
Ведь с ней не истинную ль веру
На каторгу в санях везут?

Масленица Кустодиева

С Яузских горок Солянки,
Как на картине, жива,
Мчалась зимою на санках
Юная наша Москва.

На Рождество и Крещение
Сыпал на волю народ.
Масленица всех угощением
Щедрым вела в хоровод.

Щиплет морозец здоровый.
Ярко блестят купола.
И намечает сугробы
Снежной метели метла.

Песни звучат под тальянку.
Игры и смех до утра.
Где ты, бывшая Солянка?
Где золотая пора?

Башни там строятся ныне:
Век XXI – увы!
Но сохранила картина
Молодость нашей Москвы.

«Гонец» Рериха

По реке крадётся чёлн.
Дум Гонец тревожных полн.
Прячет в сердце, прячет в свитке
Весть нерадостную он.

Мирно в крепости живут,
Ну, а там подмогу ждут.
И захочется ль собратьям
Срочно покидать уют?

Словно мысли в голове,
Блики пляшут на воде:
Как найти слова такие,
Чтоб откликнулись в беде?

Картина Брюлова

Ну, кажется, звенят подковы
В картине «Всадница» Брюллова,
И тоненько звенят серёжки
У амазонки-недоторожки.

В нас вызывает восхищенье
Фигур изящное движенье.
И кисти мастера зенит
Любовью искренней звенит.

«Демон» Врубеля

Ах, плачут по тебе все девы.
Зачем вселяешься в них, Демон?
Зачем напрасные мечты
В невинных пробуждаешь ты?

Любой кухарке и царице
Соблазном можешь ты присниться.
Как много ты цветков сорвал,
Влюблённых женщин идеал!

Быть может, ты – любовник пылкий,
Но победителя ухмылка
Рождает в сердце холодок:
Любим и всё же одинок.

Не у одной сердечко ноет –
Так всех их тянет неземное.
Я тоже, может быть, – вполне...
Не сохнут девушки по мне.

Картина Перова

На картине слышишь сразу
Небылиц запойный жар.
Ведь охотничьи рассказы –
Это свой особый жанр.

Удивляешься: как можно,
Взгляд от лиц не отводя,
Кистью речь озвучить всё же,
Позами руководя.

Явно тут – воспоминанья
Про охотничьи бои:
Сам рассказчик начинает
Верить в подвиги свои.

Как трофеем величавым
Мог украсить он жильё,
Если б не было случайно
Не заряжено ружьё.

Баек дух забавных этих
В людях до сих пор живёт.
И, смеясь с Перовым вместе,
Держимся мы за живот!

Картины Шишкина

Не с детства ли знаком нам Шишкин
Картинкой на конфетах «Мишки»?
Но он привил, чаруя вновь,
Не только к сладкому любовь.

Любуемся волнистой рожью,
Обласканною светом Божьим.
И затихаем у ручья,
Лесного слыша соловья.

Гордимся солнечною рощей
И сосен корабельных мощью.
Душой мазкам волшебным вняв,
Услышать можно шум дубрав.

Пронзит, знакомая до дрожи,
Тоска родного бездорожья.
Ватага сосен злато ржи
От суховея сторожит.

Какие чувства будоражат
Картины в молодой душе!
Не с этих ли простых пейзажей
Родится Родина в душе?

Благотворители

Бают люди, что было так встарь,
Коль богатством вдруг стал и сухарь,
То крестьянин с достатком, купец-старообрядец
Открывал заповедный свой ларь.

Дал им Бог, чтобы что-то иметь,
Научил их делиться уметь,
Чтоб, нужду понимая, страдания ближних,
Сделать дело благое успеть.

Никогда б не узнала страна
Передвижников тех имена,
Тех, которым святые купцы Третьяковы
За картины платили сполна.

Ну а Врубель, Серов, Васнецов
И десяток ещё мастеров –
Старообрядцы Морозов и Мамонтов вкупе
Сберегли для грядущих веков.

Светел подвиг графини Фон-Мек!
Нам не слышать бы опер вовек
И балетов Чайковского дивные звуки, –
Поклонись ей, любой человек.

Скромный ларь, серебром ли расшит,
Он благие дела не свершит,
Коль хозяин его в своём чистом порыве
Не раскроет ларец свой души!

Галерея Шилова

Идём по галерее Шилова,
Неся, как груз, свой непокой,
Вослед за золотою жилою,
Открытой Мастера рукой.

Но постепенно состоянье
Внутри меняется от чар.
Музей – эпохи достоянье,
Художника бесценный дар.

Сияют золотые рамы,
Звучанье арфы в тишине, –
Приходит ощущение Храма
И причащения ко мне.

Здесь целый мир в картинах создан,
И он уж сам собой живёт:
На миг застыли в разных позах
Друзья, отвлѣкшись от забот.

В полотнах – для потомков вести,
В палитре, в глубине мазков.
Художник пишет труд, как Нестор
Свой день – для будущих веков.

С портретом вряд ли что сравнится
По силе чувства и ума.
И, оживая в разных лицах,
Глядит История сама.

Не повторяясь, подкупают
И простота, и хитреца,
Но в каждом лике проступают
Глаза души и труд Творца.

Вот бабка с горечью обиды:
«Не пишут», – это ль не беда?
Вот «Ветеран», людьми забытый,
Отдавший подвигу года.

Актёры, мудрецы, поэты,
Духовных лиц глубокий взгляд,
Пейзажей широта – всё это
Запечатлённый жизни ряд.

Гляжу на них и в чём-то каюсь.
Обременённый суетой.
И будто грех мне отпускает
С картин невидимый святой.

Смеются лица здесь и плачут,
Живут под тяжестью креста.
И льётся музыка «Скрипачки»,
Звуча палитрою, с холста.

Глядишь – и сам вот-вот заплачу:
Таков он – очищенья миг!
И ухожу я, став богаче,
Приобретя здесь целый мир.

Лики святых

А. Шилову

Торжественно, как в храме,
Все в золочёных рамах,
Висят портреты, словно образа.
Защитники России,
Суровые, простые,
Глядят нам испытующе в глаза.

Как бережём наследство,
Страну как любим сердцем, –
Они как будто спрашивают нас.
Не просто – защищали,
Не только – побеждали,
Воистину – спасали каждый раз.

Солдат уставших лица,
Поэты и артисты, –
Защитный наш в войне духовный вал.
Певцы и музыканты –
Бойцовские таланты, –
Все, кто Победу сообща ковал.

Жизнь новую мы строим
Благодаря героям –
И мужеству, и жертвенности их.
И вдохновенной кистью
Художник их причислил
К плеяде нашей Родины святых.

Картина Рембрандта

На излёте растрченных сил,
Жизнью выстрадав эту картину,
Он у предков прощенья просил
«Возвращением блудного сына».

Испытавший немало, слепой,
Сердцем всех окружающих зорче,
Прижимается к сыну душой
Со смиреньем прощающий Отче.

Не свожу с сына блудного взгляд –
Не сыграешь с собою ведь в прятки –
Стыдно мне: не мои ли горят
На холсте непутёвые пятки?

Князя Игоря горький поход,
Про искателей счастья былины,
В них сюжет этот вечный живёт:
Возвращение блудного сына.

Жизнь водой испытала, огнём,
Медью труб, а в награду – седины.
И теперь уже сами мы ждём
У порога любимого сына.

Дал нам душу, и веру, и плоть,
Только мы промотали святыни.
Ждёт опять терпеливо Господь
Возвращения блудного сына...

Даная

Всё мне чудится, что знаю,
И не раз встречал в пути
Чудо-женщину Данаю,
Эту осень во плоти.

Хоть и холод, не одета –
Разыгралась, видно, кровь.
Что же делать: бабье лето –
Не последняя ль любовь?

Щёки клёнами пылают,
Значит, очень сильно ждёшь.
Зазвенел подарком тайным
Золотой осенний дождь!

Художник

Художник начинается не с кисти –
Для мудрой кисти надо дорасти
И свежей незапятнанною мыслью,
И виденьем на жизненном пути.
Художник – не итог, а состоянье,
Свой угол зренья в круге бытия,
И самоутвержденье, и дерзанье,
И притеснение собственного «Я».
Не в академий тишь за кладом знаний –
Ты окунайся в жизнь, не оробев.
Богач Рембрандт, бродяга Пиросмани
Пусть улыбнутся сквозь века тебе!

Дом художника

Метченко Г.И.

Старый дом купеческий с подвалом,
С анфиладой комнат проходных,
С окнами, глядящими в овраги,
Что на окских берегах крутых.

Век давнишний прикорнул у печки,
Брёвнами дубовыми пропах.
А над крышей проплывает вечность
Знаками в подвижных облаках.

Кот мурлычет сказочные байки
И – глядишь – вот-вот заговорит,
Как купец играл на балалайке,
Как купчиху умыкнул джигит.

Духи и иные привидения
Живописцу не мешают жить.
Он порою их в своих твореньях
Размещает, чтобы ублажить.

А на книжных полках персонажи
Разговор таинственный ведут
До поры, когда о них расскажет
Мастера рука, вложив свой труд.

За его старанья божья искра
Зажигает вдруг волшебный миг,
Оживляя из-под мудрой кисти
Дивные страницы ярких книг.

Дом художницы

Бакаевой М.Я.

Снаружи – сайдинг. Дом вполне обычный,
Но с хатой чем-то схожий по обличью.
В калитку заступаешь – в тот же миг
Ты попадаешь в параллельный мир.

Лоза роскошной виноградной плети
Свисает над двором рыбачьей сетью.
Берёзы крона шепчет в вышине,
Сиреневые тени на стене.

Порог переступаешь – видишь пир
Картин, влекущих в необычный мир.
Наполнены то радостью, то грустью
Энергии магические сгустки.

Над суетой мирскою поднимает
На крыльях вдохновения нас Майя.
Как хорошо, что для таких походов
Нелётной не случается погоды.

Навеяла палитрою колдунья
Глубокие нежданные раздумья
О Боге, о пространстве, о судьбе,
Что сам ты удивляешься себе.

А кто же ей подсказывает темы –
Влюблённый Фауст или мятежный Демон?
Кисть окунув в смешенье разных дней,
Ведёт вослед фантазии своей.

С полотен музыка течёт бравурно,
Поэзия клокочет трубадуров,
И душу твою хрупкую на холст
Влечёт, пунктиром возникая, мост.

Уносят думы в призрачные дали
Протуберанцев мысленных спирали.
И можешь ощутить – как повезёт –
То гиблый ад, то ангела полёт.

Теперь мы будем повторять пытаться
Полученный урок телепортаций.
С зажёгшимся у нас в душе огнём
Мы покидаем необычный дом.

Метченко 66 лет

Две шестёрки!
Хоть в «шестёрках» не ходили
И не хвастались, наверное, в тузах.
Кавалерами-валетами мы были
И ещё порой – в дворовых королях.

Нарисуй, художник, по счастливой карте.
Сдай нам, что ли, по удачной, по одной,
Чтобы выпало немножко в жизни форта,
Чтобы беды победить нам козырной.

А вообще-то мы на цифры – без оглядки:
Всё добыли честным искренним трудом.
Сами масть свою рисуем по порядку.
Ничего ещё, художник, – поживём!

Волшебник кисти

Метченко Г.И.

С войны вернулись, как из мрака,
К нам инвалидами отцы.
В подвалах сумрачных, бараках
Нам снились светлые дворцы.

В послевоенном трудном детстве –
Разруха, голод, нищета.
Тогда и зародилась в сердце
О сказочных мирах мечта.

В свои мальчишеские годы
Кисть наостряет и перо,
И учится он у природы,
По дивным росписям в метро.

Он божьей искрою *отмечен*:
Давая персонажам жизнь,
Он *подмечает* очень *метко*
Характеры и типажи.

Из междустрочья вынимает
Героя скрытое лицо.
На свете их теперь гуляет,
Наверно, эдак за пятьсот.

Не только образ возникает –
В нём появляется душа.

Как на Руси у нас бывает,
Сам он – и Мастер, и Левша.

Открытие делает простое
Душою искренней своей:
И даже грозные герои
Выходят чуточку добрей.

Как говорят, одною левой
Он побеждает тёмный мир.
И жизнь нам делает светлее
Волшебных красок эликсир.

Художнику

Ах, чёрт, художник бородатый!
Глаза мазками мне протёр.
Мои минувшие утраты
Вдруг осветил, как метеор.

Сверяясь с красотой, как лоцман,
Прищурясь, в глубь души глядит,
Судьбой украденное солнце
В холсте на место громоздит.

Пророчит, сам не ожидая,
Палитры солнечной поэт...
И, улыбаясь, оживает
Простецкой радости портрет.

Маковская обитель

Маковской Л.В.

Достойные потомки живописца,
Являл который гордость русской кисти,
Отмеченные творческим огнём,
Как храм искусства, нарядили дом.

Вот – самоваров медные оклады,
Ажурной Гжели синие лампы.
Резьбы причуда убажает глаз
И ложек хохломских иконостас.

Как вальс цветов на музыку Чайковского,
Играет кистью на холсте Маковская.
Живое воплощение мечты:
Что ни картина – яркие цветы.

В глазах её широких – удивленье
На божий мир во всяком проявленьи.
И хочется скорей благую весть
На полотно душою перенести.

С прозрачно-родниковой акварели
Звучат-поют апрельские капли.
В искусном обрамлении гардин –
Сирень и кисти солнечных рябин.

И кажется порой – в висящих рамах
Звонят колокола оживших храмов:

Дают лишь посвящённым небеса
Услышать ангелов поющих голоса.

А выдумке, фантазии нет края
В саду, где мастерство вовсю играет:
Фонтан и мостик, караси в воде
И даже аист в ивовом гнезде.

И с чувством неподдельным восхищенья,
С богатым грузом ярких впечатлений
Мы покидаем дружелюбный дом,
Который веет искренним теплом.

Краски

Можно мир рисовать только яркою краской:
Райских птичек, сияние добрых лучей.
Почему же тогда даже в радостных сказках
Есть нечистая сила, Яга и Кощей?

Можно чёрным углём выводить все напасти,
Коих много, наверное, в каждой судьбе.
Но нельзя утверждать, что на свете нет счастья,
Хоть оно и досталось, пускай, не тебе.

Да какие бы ни были выбраны краски –
Пусть разнятся они, словно пламень и лёд,
Лишь была бы в них общей
Тоска по прекрасному,
Что на лучшие дни нам надежду даёт.

Волшебный жест

Жест, который заживляет раны!
По утрам, встречаясь на меже,
Дарит мне служительница храма
Жест прикосновения к душе.

Этот жест – и щедрый, и смиренный –
Где-то его видел я уже.
Вызывает вдруг благоговенье
Жест прикосновения к душе.

Там, где Богоматерь на иконах,
Ангел, Умиление, Благовест,
У рублёвской живописной школы –
Одухотворённый этот жест.

Это – как святое откровенье,
Словно дарят райские цветы –
На одно волшебное мгновенье
Собранные в горсточку персты.

Будто путь она, сверяя с Богом,
На груди свой поправляет крест,
Космоса магическое око
Встречным направляет этот жест.

Дай, Господь, годов ей щедрой мерой!
Пусть она свой добрый труд вершит!
Знать, не зря её назвали ВЕРОЙ
За прикосновение души.

Петух

Гребень – красный лист кленовый,
Клюв из молнии откован,
Огнестрельные глаза
У дворового туза.

Цветовой ажурной трелью
Красит шею ожерелье,
Переливчатость пера,
Словно отсветы костра.

Крылья ястреба достойны.
Озорной, но не разбойный
Бог куриный полон чар.
Выступает, как гусар.

На забор взлетел с азартом,
Как пловчиха перед стартом,
Тело вытянул вперёд,
Атаманский клич даёт.

Кто-то кур побеспокоил,
И летит он – царь и воин –
На непрошенных гостей
С грозной радугой в хвосте.

Живопись

Ваванову А.В.

И опять меня уносит
Из реальности в мираж
Соблазнительница Осень
На весёлый вернисаж.

В сок вошедшей бабьим летом
В полном цвете красоты
Под свои автопортреты
Вольно Ей менять холсты.

Голубого ширь отмерит,
Лист багетом обведя,
То натягивает серый
С грубой ниткою дождя.

Опалившись красок зноем
Ярче тысячи ковров,
Для каких пейзажей новых
Холст грунтует на Покров?

Миллионы живописцев
Здесь представили свой труд.
И, заслуженно, их кисти
Золотыми назовут.

Как палитра их богата!
В ней – свобода и каприз,
Красок буйная токката,
Сочетаний симфонизм.

Солнце выглянет, и снова
Флот листвы несёт ручей.
Нежно рдеет ряд кленовый,
Как ансамбль скрипачей.

Как художникам в угоду
Пляска красок входит в раж,
И любитесь природа
На вавановский пейзаж.

По глазури мчат белила.
В кобальт чистого пруда
Смотрит грустно кадмий ивы.
Верх в садах берёт сурьма.

От дождя едва просохнув,
Жарко киноварь горит.
Увядающая охра
О разлуке говорит.

На холсте кусочек солнца,
По реке, скользя, дрожит.
Не от этих ли эмоций
Так светлеет наша жизнь!

Подмалёвок

Рисунок, эскиз, подмалёвок...
Работать бы дальше над ним.
И мучают душу полотна,
Которые не создадим.

А, может, услышат, подхватят?
Не жаль, если и украдут.
Не будем скорбеть об утрате,
Коль жизнь в наши мысли вдохнут.

В чём мига и вечности тайна –
В размерах? В желаньях благих?
У мастера росчерк случайный
Дороже полотен иных.

Не мысля про славу и вечность.
Оставим лишь искры да дым...
И в черновике человечность
Проглянет лучом золотым.

Портрет художника

Соблазну уступив задумки,
Страсть воплощения не унять.
И носишь творческие муки,
Как ждущая ребёнка мать.

Эскизы, образы, наброски
И вариантов круговерть.
Как замысел загнать непросто
В одну единственную клеть.

Ах, кто бы знал, как труд сей долог
До появления лица:
Этюд, грунтовка, подмалёвок,
А дальше – пропись... без конца.

Кисть положить на холст безбрежный –
Как в океан пуститься вплавь.
Портрет, открыв однажды вежды,
Подскажет: «Там... вот здесь – поправь».

Уже тобой он верховодит,
Мазкам указывая путь,
Хотя конец, казалось, вот он:
«Ещё чуть-чуть, ещё чуть-чуть...»

Не отпускает от мольберта,
Не ведая, что кисть свело.
Картины – это те же дети,
И – расставаться тяжело.

Рождая их, роднишься с ними:
За каждым образом – судьба.
Ведут портретам счёт седины,
И – нимбом серебро у лба.

Удар последний. И усталость
Накатит вдруг свои валы.
Не надо ничего – лишь малость:
Хотя б словечко похвалы.

Не место человека красит –
Он может сам украсить жизнь.
В картинах искренних – катарсис
И очищенье ото лжи.

Быть творчеством народу нужным
Не всяким выпадет в судьбе.
И держит Бог талантов души
Для высшей службы при себе.

Когда благообразны мысли,
И в сердце – истины покой,
То водит вдохновенной кистью
Сам Бог трудящейся рукой.

Он через чистые творенья,
Наполнив светом их идей,
Шлёт на крылатом вдохновении
Свои посланья для людей.

За труд, опрятность поведенья
В поступках, мыслях и делах
Он памятники ставит верным
В награду у людей в сердцах.

Народу полон зал огромный:
Модели, критики, друзья.
И ты какой-то отрешённый
У Бога спросишь: «Уж ли я?!»

И, принимая поздравленья,
Честь воздавая небесам,
Работам истинную цену,
Наверно, знаешь только сам...

Былина

Не пора ли, разумная братия,
Миром всем осудить безобразия:
Младость всем иноземным прельщается –
Древлеславный уклад ущемляется.
Ажно вместо исконной глаголицы
Грекам пришлым с кириллицей молятся.
У Бояна былинные струны
Вдруг поют скандинавские руны.
Вон товарки на суздальских выселках,
Как булгарки, расшитые бисером.
А в обрядовых наших стенаньях
Стали слышны шамана камланье.

Что за ритм – половецкие пляски –
Это след от невест басурманских.

Понаехали фряжцы, варяги.
Немцы, чудь к нам несут свои флаги.
И в славянских уж слышится песнях
И мордвы мелодичность и веси.
Что ты, батюшко, брось, не витийствуй:
В нашей музыке чин византийский!
Византийский? – такая есть версия,
Но наследство её – всё ж из Персии.
Душу трогает песня ямщицкая –
В ней протяжность степи не калмыцкой ли?
А комаринский спляшет мужик –
В ритме западных скерцо и жиг.
Подарил нам язык наш чистейший
Внук арапа великий и грешный.
А оплакал его непреклонный
Иноземных корней внук Лермона.
Путь России восславил как сын
Внук татарский Карамурзин.
И до творчества люди охочие:
Богомазы и книжники, зодчие:
Феофан, братья Фиорованти...
Сколько в Русь ими вложено страсти!
Тьма народов на нашей земле
Сто культур замесило в котле
И достигли достойных вершин,
Став загадкою русской души!

Зодчество

Это жизнь всё только сносит –
Осень зодчества полна:
Строит осень, строит осень
Золотые терема.

Башни сосен островерхи,
Кровли золотом – листва.
Это – царская утеха,
Чтобы ахала молва.

Глубь небесного колодца
Пьют туманов миражи.
И играют в бликах солнца
Луж подмёрзших витражи.

Валит ветер лес зазябший,
Подмывает корни дождь...
Но нельзя же, но нельзя же
Говорить: «Всё в прошлом – ложь...»

Были мы бедны когда-то –
Нет светлее этих лет.
На поминках стол богатый,
Только радости-то нет.

Догорает кромка леса,
Задымаясь сухой листвой,
Как последняя завеса
Между летом и зимой.

Между радостью и грустью,
Равнодушьем и теплом.
Смуту вносит в наши чувства
Каждый новый перелом.

Так контрастны с поджиганьем
Мирной Осени огни...
Рушит разочарованье
Веру в будущие дни.

Измайловский вернисаж

Вернисаж, вернисаж, мне верни!
Вернисаж, мне верни моё детство!
Ты напомнил мне яркие дни,
У которых смогу я согреться.

Заходил к нам тряпичник во двор
И менял на пустые бутылки
Пугачи и свистулек набор,
На резинках мячи из опилок,

И звенели жужжалки в руках,
Соловьи пели глиняным горлом.
И горели в мальчишьих глазах
От покупок и счастье, и гордость.

Невелик моих радостей стаж,
Много горечи нажито сердцем.
Ах, спасибо тебе, вернисаж,
За привет из любимого детства.

Осенний карнавал

Опять огнём меня околдовал
Осенних листьев яркий карнавал.
Так смело Осень наложила краски,
Что говорю: «Не узнаю Вас, маска!»

И хоть её всем сердцем узнаю,
О ней туманно дождиком пою.
Любуясь на её густой румянец,
Как незнакомку приглашу на танец.

В кружении спадает плащ листвы,
И с «Вы» мы переходим с ней на «ты».
Разносит ветер, запыхавшись, листья –
Смущённые любовные записки.

Расцвеченные праздничные дни
Надолго зажигают в нас огни.
С горящей незнакомкой в том же зале
Жду встречи через год на карнавале.

Осени медные трубы

Плавал я в бурных житейских морях,
Было – тонул в её водах.
Всё испытал – и надежду, и страх,
Мучаясь в поисках брода.

Резво промчался судьбы моей конь –
Только почувствовал сушу.
Крылья не раз опалял мне огонь,
Но я сберёг свою душу.

В память о прошлом огне, как салют,
Листьев горящая лава.
Ветры осенние мне пропоют
Многая лета и славу.

Песнь восхищенья шептали не раз
С нежностью женские губы.
Я откликался на ваш только глас,
Осени медные трубы.

Воды-огни свой оставили след
Нитью серебряной в чубе.
Чище звучания вашего нет,
Осени медные трубы.

В путь свой последний с собою возьму –
Так уж вы дороги-любвы,
Слышимые только мне одному,
Осени медные трубы.

Гжель

Как во снежном поле
Синяя метель,
Живописца доля
Сдержанная Гжель

На белом раздолье –
Голубая ель.
Есть ли краше боле,
Чем святая Гжель!

Как на белом солнце
Синяя капель,
Весело смеётся
На фарфоре Гжель.

К сердцу всего мира
Отыскала дверь
Живописцев лира –
Голубая Гжель!

На выставке античности

Словно в храме, тихо в зале:
Слышен даже лёгкий вздох.
Воедино здесь собрали
Отпечатки всех эпох.

Женские фигуры амфор
С тонкой вязью по бокам.
На рисунках люди, арфы,
Поклонение богам.

А в сторонке, словно нищий
Среди праздника, один –
В трещинках, с пробитым днищем –
Скромный глиняный кувшин.

Он давно уже покинул
Заводной гончарный круг,
Но на шейке, как живые –
Отпечатки пальцев рук.

Кто твой мастер – неизвестно,
Но бессмертно мастерство:
Донесло оно, как песню,
Вдохновение его.

Экспонат музейный встретит
Ещё много дальних лет.
А останется ль на свете
Моих строчек тусклый след?

Тульский самовар

Дышит кузница – калёное жерло,
На округу высыпая весело
Звон булата, пламя, искры, жаркий пар...
Здесь когда-то сочинили самовар.

Обнажённые до пояса, в поту
Мастера черны, как грешники в аду.
От огня у них прищурены глаза.
И прихвачены бечёвкой волоса.

Поколения сменялись у печей.
Много было тут отковано мечей.
Тем оружием перебита тьма врагов –
В дни победы чтят и скромных мастеров.

В наковальном звоне – будущего песнь:
Плуг, подкова и коса ковались здесь.
Мыслей смелость, а затем упорный труд
Людам пользу, славу мастеру дают.

На рождение его ушли года.
Много сметки было вложено, труда.
Полюбили на Руси и мал, и стар
Чудодейный медный тульский самовар.

Покорил затем заморскую он даль.
Каждый царь цеплял на грудь ему медаль.
Он пузатым и таким важнецким стал,
Словно самый настоящий генерал.

Вот стоит он, меднолоб и крутобок,
С толстой шеей да, пожалуй, кривоног.
Закипает, будто в пляс сейчас пойдёт,
Зазывая чашки в звонкий хоровод.

Пофырчит, потом присвистнет, пустит пар –
Ну, ей-богу, раззадоренный гусар.
Самовара дружелюбное тепло
Будит в сердце доброту, смягчает зло.

Гордо выставив вперёд свой краник-нос,
Наш туляк встаёт на жостовский поднос
И, воркуя изнутри, лосня свой бок,
Льёт крутой и ароматный кипяток.

Тяжким потом и смекалкой удалось
Сочинить затем и первый паровоз.
И ракете, что готовится на старт,
Самовар – известно – тоже старший брат.

Этой строчкой немудрёной дань воздам
Всем известным и безвестным мастерам,
Тем, кто, терем променяв на неуют,
День наш завтрашний без усталы куют.

Лубочная картинка

По Зарядью, по Зарядью
Скоморошный люд идёт.
В колпаке атласном дядька
Скачет, пляшет и поёт:

«Как в корзинке Якова
Есть товару всякого», –
Из кошёлки достаёт
Прямо... целый огород.
Позвенит бубенчиком –
Соберёт копеечки,
С мишкой поборется –
Весь народ уморится.
Пятерню пристроит важным гребешком.
Шею вытянув, пройдётся петухом,
Он поквохчет, резво вскочит на крыльцо,
На протянутой ладони – вдруг яйцо.
Колесом идёт, сложившись, как калач,
Восхищаются мальчата: «Во ловкач!»
И, усевшись, как на троне, на бревне,
Так же царственно воскликнет: «Чарку мне!»
Выпьет бражки-медовухи черпачок
И по кругу понесётся, как волчок.
Пляшет бешено – по швам трещат портки,
И дробушку выбивают каблуки.
А подручный на свирельке свиристит
И в сопелочку, приставив нос, свистит,
Наливаясь спелой свёклой изнутри,
Надувает щёки, словно пузыри.

Знать, «нечистая» – помощница в делах,
Коль у них вдруг оживает и метла.
На шапчонке пляшут звонко бубенцы,
Власть хохочут и миряне, и купцы,
А народ умеет страсти разжигать,
Бросишь искорку – огня не удержать:
Городской, селянин, поп – да всякий сброд,
Сбросив шапки, затянулись в хоровод.
Кушаки уж распоясаны давно,
Топчут площадь, как по осени гумно,
Входят в пляс, рванув рубаху, чтоб в бреду
Хоть на час забыть про лихо и беду.
Ты, жалейка залихватская, играй,
Ты играй, родная, да не уставай,
И, покуда с хрипотцою ты поёшь,
Этот мир на сказку дедову похож.
Наплясались власть, аж в коликах живот.
По лицу течёт веселья сладкий пот.
Ух, намаялись, натешились до слёз,
А теперь копейку в шапку брось.

Скоморошья доля вовсе нелегка...
Уходили с площадей они в века
Мимо сруба, мимо царского дворца
Под проклятия святого чернеца.
Скоморохами их нынче не зовут,
Не телеги – самолёты их везут.
Величает их народными народ,
Ремесло их с новой силою цветёт!

Караван-сарай

Нет Востока без базара,
Но о том особый сказ.
Вечер в караван-сараяе
Проведём на этот раз.

Сядем на коврах уютных.
Яства разные – горой.
Дружеский кальян с тютюном –
Угощайся, дорогой!

Сладостей поднос воздушных:
Губки, пальчик везиря,
Соловьиных гнёзд ватрушки,
Ста названий кренделя.

Вот – зурна, комузу вторя,
Вспоминает о былом:
О каком-то давнем горе,
О дороге в отчий дом.

И дрожащими губами
Песни горькие свои
Ханума поёт, рыдая,
О несбывшейся любви.

Что ж, красавица, так плачешь?
Искренне тебя нам жаль.
Но всё ж легче и иначе
На свою глядим печаль.

Вышли парни полукругом,
Все движения – в одно.
На плечах друг друга руки,
Как единое звено.

Разминаются недолго,
Вот уж танец – заводной:
Трель выплясывают ноги,
Зависая над землёй.

Что-то радостное буют,
Искры – в огненных очах.
Будто круг их – солнца бубен
На танцующих лучах.

Под удары барабана
Вышла юная краса,
Как кувшинка, с тонким станом,
Подсурмлёные глаза.

Не от взглядов ли нескромных
Пробежал озноб по ней?
По ковру ступая робко,
Плавных жестов льёт елей.

Вьётся, будто бесхребетна,
Начиная танца сказ,
И улыбкою-щербетом
Одаряет щедро нас.

Ах, турчанка! Ах, наяда!
Ворожит прохладу, зной.
И рука, колдуя взгляды,
Извивается лозой.

Бьётся рыбкой золотою,
Пойманною на крючок.
То звенит, как беспокойный
Колокольца язычок.

Чётки с длинными кистями
Завращала, как аркан.
Жертвами готовы сами
Стать её и раб, и хан.

Ударяясь в бубен, прытко
Скачут руки без узды,
Будто две живые рыбки
Над огнём сковороды.

Бьётся лань в припадке танца,
Рвёт невидимую сеть,
Ускоряя непрестанно
Ритма сладостную плеть.

Пляшут брови и ресницы,
Серьги, бусинки на ней,
Пляшут кольца и монисто,
Пляшут кончики ногтей.

Выше всех похвал, без лести
Плоти, духа красота –
Танец страсти, танец сердца,
А никак не живота.

То призывно тянет руки,
То губами говорит,
Будто бы рожденья муки
Нам поведать норовит.

Взмах руками – крылья чаек.
Плечи замерли вот так.
Бёдра маятник качают,
Учащаясь в каждый такт,

Содрогаясь мелкой дрожью,
Нерв желаний теребя,
Будто бы змея из кожи
Хочет выйти из себя.

Блеск – в глазах, и пот – на лицах,
Выбивают дробь перста –
Многие хотели б слиться
С нею в танце живота.

И старик, давно угасший,
Словно тронули струну,
Оживил лицо гримасой,
Сладостно сглотив слюну.

Вечер, танцами согретый,
Утопает в клумбе звёзд.
И, сорвавшись с минарета,
Месяц сам собой плывёт.

Но ещё роняют лица
Свет восторженных очей...
То была одна страница
Сказки тысячи ночей.

Признание

Прошли те времена, когда, как патриархи,
Премудрость трудных дней хранили старики,
Когда детей своих сомнения и страхи
Советом облегчали и силою строки.

В безудержный наш век всё изменилось дивно:
Разрушились устои, что были так крепки.
И в нынешних делах, как дети, мы наивны –
Потомки же мои мудры, как старики.

Танец дервишей

Кружатся, кружатся, кружатся, кружатся,
Молча, под звуки курая в тиши
В плавном движении, совсем не натужно,
Словно из сказки придя, дервиши.

Небо сверля колпаком звездочёта,
В длинном халате, метущем песок,
Мерно круги нарежает без счёта –
Кем заведённый? – восточный волчок.

С каменным ликом, как частью пустыни.
Руки скрещённо прижаты к груди.
Ни лицедейства и ни гордыни
В нём не уловится, как ни гляди.

Сколько ж так можно кружиться, кружиться,
Как не иссякнет безмерный завод?
Может, серебряной звёздной нитью
Им управляет с небес кукловод?

Танец магический даром круженья
Мир наш не делит на радость-печаль,
Помыслов злых и людских преступлений
Чёрную силу свивают в спираль,

Чтобы вращеньем настроенной чакрой
Выплеснуть в космос – в открытую дверь,
Чтобы ответно в сердца постучаться
Людям сумела гармония сфер.

Роль пирамид до конца неизвестна:
То ли наследство от звёздных миров,
То ли, молитвы сложив наши вместе,
Землю спасли они от катастроф.

В том же стремленьи – мечети и церкви,
Пагоды, храмы, хранящие нас.
Зло обличают духовные центры,
Чтоб на Земле удержался баланс.

Что ж, дервишей все старанья святые –
Капли в песке, уголёчки в золе.
Но всё равно пирамидки живые
Танцами служат добру на Земле.

Вечер танцев

Из каких таких историй
Этот день воскрес?
К нам приехал в санаторий
Духовой оркестр.

Вспомнился наш парк старинный,
Праздничный народ...
И ещё – в парадном ритме
Полковой развод.

Отдыхающим навстречу
Солнцем льётся медь.
В необычный этот вечер
Некогда болеть.

Астма, в танце разогревшись,
Вся огнём горит.
Приглашает, осмелевши,
В круг её артрит.

Так легко люмбаго в вальсе
Сколиоз ведёт,
И курортные романсы
Слышны между нот ...

А оркестр, владея нами,
Штраусом бодрит
И Амурскими волнами
Душу бередит.

В танце кружат, вспоминая
Вихри давних лет,
И майор, и звеньевая,
И былой атлет.

И сияет повсеместно
Лиц здоровый цвет...
Лучше танцев под оркестр
Процедуры нет!

Простой рецепт

Не тщиться вываливать груды стихов
И бисер не сыпать изысканных слов,
Глубинную мысль вознести на волне
Нахлынувших чувств.
Это будет – вполне!

Песня о «Покровке»

Между шумливым Садовым –
Тихим Бульварным кольцом
Светит Театр на Покровке
Искренним добрым лицом.

Здесь забывается время,
Бремя стремительных дел:
Будто бы месяц в деревне
За два часа пролетел.

Будней ненужные битвы
Стихнут за пять вечеров.
Пьесы – и пост, и молитва –
Душу очистят и кровь.

Снова мы свяжемся узами,
Что растеряли вчера.
Может, уроки нам музыки
Станут уроком добра.

В день знаменитой Победы
С нами пойдёт на парад
Старый знакомый наш – бедный
И повзрослевший Марат.

«Аннушкина» остановка –
Сбросим полсотни годов.
Дарит нам снова Покровка
Слёзы, и смех, и любовь!

Таланты и поклонники

Все суетятся и спешат
В эпоху электроники.
Но как очнётся вдруг душа,
Таланта став поклонником.

Перекрывая быта шум,
Заветное затронете.
Опять добра и зла между
Даёт Талант поклонникам.

С Талантом ожидая встреч,
Сердечко вновь истонется.
Миг каждый в памяти сберечь –
Награда для поклонника.

Таланта чистая звезда,
Сияй на небосклоне нам.
Свети, ПОКРОВКА, как всегда,
Счастливейшим поклонникам!

Родник

Говорят: в лесу дремучем,
У горы, под самой кручей,
За поляною глухой
Бьёт издревле ключ гремучий,
Ключ с целебною водой.

Преподобный Отче Сергей
В том далёком древнем веке
С Божьей помощью открыл
Это чудо человеку
Для возврата прежних сил.

И с молитвою в дорогу
Издалёка люд убогий,
Всякий хворый и больной
Сквозь века, леса и горы
С лёгкой торбой, тяжким горем –
За водицею святой.

И несёт молва по свету,
Что целебней места нету,
Чем чудесный тот родник.
Вот и мне бы – к водам этим –
Я бы сердцем к ним приник.

Но порою вдруг неожиданно,
Как бальзам, на наши раны,
Где-то рядом – не в глуши
Кто-то щедро открывает
Золотой родник души!

Тамаре Глоба

Нагадай нам что-нибудь хорошее,
Доброе в судьбе нам нагадай,
Чтобы в душах, в суеде изношенных,
Всё ж жила бы вера в светлый рай.

Раскрывай нетленные страницы
Вечной Книги Пращуров людей,
Чтоб к Истокам сердцем возвратиться
Всею сутью страждущей своей.

Как бы звёзды ни сошлись фатально
Глобусу вращенье возвестить,
Книгу Судеб изучив Глобально,
Подскажи спасения пути.

Мой долг

Мои учителя – на том и этом свете.
Разыскиваю их, чтобы отдать свой долг,
Одним кладу цветы, другим несу конфеты,
А третьих я найти ещё не смог.

Так много лет о них не вспоминал я, грешный,
Но что-то сердце дрогнуло вчера...
Забыт давно предмет, изученный поспешно.
Но не забудется урок добра.

Они простили нам всё наше невниманье –
Добры учителя всех стран и всех времён.
Нужнее им ли, мне ли позднее признанье –
Я шлю им благодарный свой поклон.

Голубятня души

Никогда, никогда
Не вернутся года,
Но вернутся ожившие чувства.
Как с небес голубых
Пара чувств молодых
На знакомый им свист мой сорвутся.

Я прижму их к губам,
Я им зёрнышка дам:
«Как я рад вам, шальным, что вы живы!
Уж на этот-то раз
Я не выпущу вас,
Чтоб опять не украли чужие».

Наяву и во сне
Прилетают ко мне,
К голубятне души чувств обрывки.
И просты, и нежны,
Нет им нынче цены –
Не купить и на птичьем их рынке.

Невстреча

Мы замкнуты от мира, от знакомых:
Ни выслушать, ни всхлипнуть самому.
Привычны повседневности оковам,
Мы не хотим услышать Жизнь саму.

И кто богат, тот более прижимист –
Не то чтобы горбушку пополам.
Когда на помощь не приходим Жизни,
То и она не помогает нам.

И вроде как себя узнать боимся
Поглубже, с кем-то сблизившись едва.
И новых встреч упорно сторонимся,
За лживые упрятавшись слова:

Мол, некогда, попозже, извините...
Устами незнакомца, может быть,
О чём-то важном ангел мой хранитель
Хотел в тот раз со мной поговорить?

Приглашение

Заходи ко мне, полночь, за полночь,
Среди лета или зимы.
Вспомним старое, вспомним заново
То, чего и не знали мы.

Про обычаи добрые древние,
Про запойный полёт ямщика,
Про жизнь наших предков брренное,
Вспомним про золотые века.

И, ведя рассуждения трезвые
О гульбе молодой, о грехах,
Оживим звонким словом поэзию
В позабытых сегодня стихах.

Ах, жизнь суетливое, нервное:
Нет покоя во сне, наяву,
Но коль я для друзей востребован –
Слава, Господи! – значит, живу!

Картошка

Беспокойные Колумбы
Привозили в Старый свет
Из земель заморских клубни –
И ценней подарка нет.

В мире пицци нет, наверно,
И дешевле, и сытней.
Животом своим проверив,
Подружились люди с ней.

Ну, и наш народ дотошный
Пользу дела раскусил.
И кормилицей картошка
Вскоре стала на Руси.

Без неё прожить едва ли
Старикам и молодым.
И картошку называли
Хлебом ласково вторым.

Ставшей всем родной картошке
Благодарен был народ.
Выручала не немножко,
Если с хлебом – недород.

Расширяла Русь пределы
По стараниям Петра.
В новых землях прогремело
Наше русское «Ура!».

В сапоге солдата – ложка,
Неразлучная в боях.
С войском двигалась картошка
Вместе в новые края.

Нынче киви и бананы
Нам привозит целый свет,
Но вкусней картошки знатной
Ничего, наверно, нет!

Знания

Мы, приложив старанье и дерзанье,
Всю жизнь трудясь, накапливаем знания.
Но чтобы их в пути не растерять,
Вся мудрость в том, чтоб знания применять.

Модуль 10

И. Кольчеву

Японцы, дожив до известного рока,
Простив все обиды будней жестоких,
Под именем новым, судьбу не кляня,
Дальнейшую жизнь начинают с нуля.

У каждого в жизни – незримый закон,
Порою превыше общественных он.
И дни преходящие искренне взвесив,
С нуля начинаем – по модулю 10.

Судьба то возносит, то делает крен,
Но мы не боимся крутых перемен:
Какие бы ни были верные вести,
Мы сроки верстаем по модулю 10.

Неважно: в науке, в строю иль на грядке –
Наполнить стараемся смыслом десятку,
Чтоб дни не проела довольная плесень.
Живём и горим мы по модулю 10!

Между

И как поэты много ни твердят,
Не так уж часто истиной владеют,
Незримый свой экватор проходя
Между страданием и наслаждением.

В их душах наступает редкий мир
За прошлые страдания утешеньем
Всего-то в кроткий и короткий миг
Между отмщением и всепрощеньем.

Однообразен и нелёгок путь,
Путь поиска души предназначенья –
Успеть лишь славы воздуха вдохнуть
Между случайным взлётом и паденьем.

Надеешься на лучшее и ждёшь,
И кажется: вся жизнь – сплошь ожиданье.
Заветный час промчится, словно дождь,
Между желанной встречей и прощаньем.

Искатель истин свой напрасный труд
Оценит лишь в минуту озаренья,
Когда толпой его лучом пойдут
Между кромешной тьмой и просветленьем.

Тире вмещает многие года,
Но кажется – прошло всего мгновенье.
А было-то лишь радость да беда
Между последним вздохом и рожденьем.

Наше поколение

Душа кипит невнятным непокоем –
Не рассказать об этом и не спеть.
Нас раньше срока выбили из строя,
А мы могли бы многое успеть.

Накоплены немалые запасы
И знаний, и умения, и ума.
Но их посевы были б не напрасны ль,
Когда явилась ранняя зима?

Порой ещё даём иным мы фору,
Хоть был у нас когда-то общий старт.
И о вчерашнем дне до крика спорим,
Являя петушиный свой азарт.

Неистребимо в нас живёт мужчина:
Любуясь, сохраняем строгий вид.
Но молодость на ранние морщины
С иронией лишь только поглядит.

Рождает в сердце эту неустроенность
Дней прошлых неистраченный завод.
Не старость, может, а вторая молодость
Надеждой вновь покоя не даёт.

Вечная борьба

В нас с детских лет и до седин
С успехом переменным
Воюют раб и господин
То вскользь, то откровенно.

У жизни – тонкая игра:
То гонор, то уступки.
И борется эмоций раб
С хозяином поступков.

Лишь тот – верхом, а не с ярмом,
В ком дух – непобедимый.
Ведь страх нас делает рабом,
А смелость – господином.

Поют весною соловьи
О роковой напасти.
Не стыдно быть рабом любви,
Когда есть власть над страстью.

Порой сквозь пальцы мы глядим
На странное соседство:
Цель – благородный господин,
Раб – низменное средство.

Или такая вот беда
Случится, как в легенде,
Когда вдруг выйдут в господа
Над вами слуги-деньги.

Пусть продолжается борьба,
Итожа роста вехи,
Чтоб, победив в себе раба,
Остаться человеком.

Рембрандт

Блудного сына к отцу возвращеньем
Скольким ты вылечил души, Рембрандт!
Дал покаянье, молитву, прощенье,
Сделал возможным к истокам возврат.

Труд и уроки добра твои живы:
В сумраке дней наших злых и лихих
Верные правде – такие, как Шилов –
Кистью твоей отпускают грехи.

Незримое богатство

Не рыцарь я скупой, не скопидом,
Но мною страсть одна владеет властно:
Бесценное, добытое трудом,
Всю жизнь коплю незримое богатство.

Но на него товара не купить,
Не обменять на звонкую монету,
Ни в ценные бумаги превратить,
Ни перстня не отлить и ни браслета.

Но всё ж его я щедро раздаю.
Других – копить частенько призываю.
И несмотря на широту мою,
Оно во мне никак не убывает.

Боясь в пути хоть крохи потерять,
Коплю его я с жаждой вдохновенной.
Но в мир иной и толики не взять –
Оно, как всё на этом свете, бrenно.

Быть может, лишь останутся в делах,
В случайных строчках, в памяти потомков,
В саду цветущем, в вызревших плодах
Богатств моих мифических осколки.

Когда душа из тела поспешит,
Не удлинит мне жизнь ни на мгновенье
Хранимое в запасниках души
Моё богатство – знания и уменье.

Друзья

Друзья, укутайтесь в плащи –
Наш путь ещё далёк.
Бродяга-ветер, не свищи
В развилине дорог.

Подозревать мы не могли,
Как будет путь далёк:
Нас ждали разные пути
И тысяча дорог.

У нас один девиз: «Вперёд!»
Сумели мы дерзнуть:
Не путь по жизни нас ведёт –
Мы сами держим путь.

О брэнной славе не трубя,
Однажды дал пример,
Как сделать самого себя
Блестящий офицер.

Добро мы видели и зло,
Встречали тьму людей.
Но нам, наверно, повезло
При выборе друзей.

Ещё пытаемся расти
И движемся вперёд.
Чем дольше мы, друзья, в пути,
Тем дальше горизонт.

Жена офицера

Павловой Л.И.

Что её привлекло –
Лейтенантика стать?
Может, в светлое глупая вера?
Что заставило юную девушку стать
Молодою женой офицера?

Уж хлебнула сполна переездов, квартир,
Гарнизонов, дивизий – сверх меры.
Не война, слава Богу,
А всё ж и не мир –
Быть женой боевой офицера.

Вечно временный быт,
Нет бабушек – помочь.
Недосыпы с ребёнком без меры:
Ночь похожа на день,
День, похожий на ночь,
Многодетной жены офицера.

У неё нет ни званий больших, ни наград –
Лишь бы мужа сложилась карьера.
Крепок тыл у него –
Он уже генерал,
Но она-то – жена офицера.

Пенсионные дни,
Ну а внуки – на ней.
Для хлопот всех – открытые двери.
Видно, не было в жизни и парочки дней
Без забот у жены офицера!

Душа гимназии

Гуменик Т.Н.

Достойная любви и уваженья,
Учащихся, родителей кумир,
Создавшая – без преувеличенья –
Для нас реальный параллельный мир!

В нём жизнь своя – насыщенна и бурна
Всем внешним перестройкам вопреки.
Становятся здесь праздниками будни,
Людьми становятся ученики.

Но создавался этот мир по крохам
Горячим сердцем и её трудом.
И детище украсило эпоху,
В которой мы по счастью живём.

И в этом планетарном механизме
Быть самой малой звёздочкой есть честь.
Нам за державу этих дней не стыдно,
Когда такие люди рядом есть!

Николай Угодник

Никола Чудотворец
Бродил по белу свету –
Лечил людей от хвори,
Дарил подарки детям.

Никола Чудотворец
Ходил по разным странам,
Богатством обделённых
Дев одарял приданым.

Никола Чудотворец
От бедствия всегда
Спасал матросов в море
И сберегал стада.

Никола Чудотворец,
Не споря с божьей волей,
Порой лишь добрым словом
Смягчал людские боли.

Никола Чудотворец
Склонялся над бедой.
Родник дарил, колодец
С целебною водой.

И люди в час печали
В ответ его трудам
Поставить обещали
Кто – свечку, а кто – храм.

Раскаивались, клялись...
Но так уж повелось:
Одним он – Санта Клаус,
Другим стал Дед Мороз.

Теплота

Осенний вечер загустила мгла.
Тепла так хочется, тепла.

Дрожит, склонившись над водой, ветла.
Тепла ей хочется, тепла.

Сверчок рассыпал дребезг из угла.
Тепла ему не достаёт, тепла.

Какая пропасть с прошлым пролегла!
Тепла ли не хватило так, тепла?

А может, затопить скорее печь,
Налить бокал, сказать за здравье речь?

Какой бы жаркой печка ни была,
Так хочется душевного тепла.

Стих – подарок жены

Стрелец, Петух, Искатель.
Поэт, неугомонный дух, писатель,
Творец духовностей культуры,
Исследователь мировой литературы,
Создатель тюркеизмов и сонетов,
Картиноописания сюжетов,
Умелец сотворить из ничего
Автомобиль-игрушку, НЛО,
Покрасить дом, обрезать сад,
Растить кислущий виноград.
Водить автомобиль по горным кочкам,
Чтоб пассажиры чувствовали почки,
Друг всех уборщиц, нянек, поварих,
Приезжих дворников, консержек, жён чужих,
Член всех союзов неустанный:
Туркмении, Баку, Афганистана,
Писателей России и Союза,
Певец Каширы и Новруза... –
Всех званий и не уместить.
(За неумелый стих прошу простить.)
Желаю творчества, здоровья, новых званий,
Торжественных приёмов и призваний,
Концертов, вечеров, рукоплесканий,
Печати новых книг, изданий...
Далёких путешествий и познаний!
Твоя жена. (Тебе верна).
Горжусь! Ценю! Люблю!
(Всё это героически терплю!)

Ирина

Горечь

Чего греха таить – любой из нас
Предполагает завершенья час:
Слетят с души телесные оковы.
А будем ли к ответу мы готовы?

Хоть говорят, в тот час мы все равны,
Не искупил, наверно, я вины.
И, уходя в открывшиеся шлюзы,
Лететь я буду с этим тяжким грузом.

Потрачено немало лет и сил
На всё, что в сердце и в быту копил.
Без вздоха я оставлю всё богатство,
Но горько мне с тобою расставаться.

Белый свет

Я посмотрел на белый свет,
И в ласковой дали
Я сотый раз узнал, что нет
Милей родной земли.

Встречал тепло я и привет,
Радушие людей,
Я сотый раз узнал, что нет
Верней моих друзей.

Мельница жизни

Не стихает песня волн.
Бьются волны лбом об мол.
Будто трудится бессонно
Неизвестный мукомол.

Завихрѐнная вода
Мелет, словно жернова,
Всѐ подряд – песок и гальку,
Отдохнув порой едва.

Мелет, сыплет в закрома
Чудо-меленка сама.
Разгадать её загадку
Не хватает мне ума.

Хоть ответ, казалось, прост,
Кто ответит на вопрос:
Почему же за столетья
Берег так и не подрос?

Эта песня не нова –
Подрастает трын-трава.
Мелят будней наших зѐрна
Жизни трудной жернова.

Как бы ни были смелы,
Закругляются углы
У характера прямого
Тех, кто хочет встречно плыть.

Накрывает рок порой
Нас житейскою волной.
Может вынести на гребень,
Может бросить в мир иной.

Бурно наша жизнь течёт.
Бьёмся рыбою об лёд.
Почему ж от всех стараний
Не растёт текущий счёт?

Пути

Не грусти, хороший, не грусти.
Всех, тебя обидевших, прости.
Не копи на сердце горечь –
Разве этих переспоришь?
Разные у всех у нас пути.

И не ты, не я тому виной:
Не с тобой она и не со мной.
Выбрала сама дорогу.
Выбрала – и слава Богу.
Значит, у неё был путь иной.

Кажется порою: вот чуть-чуть –
Сможешь к цели руку протянуть.
Вроде близок плод желанный,
Спотыкаешься нежданно,
Но ещё ведь не окончен путь.

Года

Куда, куда
Бегут мои года?
Куда летят они неудержимо?
Какие чувства, встречи, города
Прносятся, не познанные, мимо?

Куда, куда
Часы спешат всегда,
Отсчитывая срок неумолимо?
Уходит время, как в песок вода,
Оставив жажду чувств неуголимых.

Куда, куда –
То радость, то беда?
Торопят нас прощанья и рожденья,
Пока к причалу вечности суда
Нас вынесут на острова забвенья.

Секрет стиха

Здесь нету никакого волшебства:
Да чаще – это ваши же слова.
И просто, чтобы вам назад отдать,
Я их не поленился записать.

Неуют

Что-то так сердце бьётся –
Как там у вас дела?
Вслед за фонтаном эмоций
Вот и печаль пришла.

То ли дают тревожно
Знать о себе года?
Многое уж невозможно,
Что-то ушло навсегда.

Сколько всего хотелось
Сделать – лишь поспевай!
Где ты, недавняя зрелость,
Бьющая через край?

Нынче – не наше время.
Знать, позади – страда.
Так и идём со всеми
В смутное никуда.

Случай

Все слабаки готовы ждать, не мучаясь,
Когда придёт благоприятный случай.
А сильный человек наоборот –
Он сам удачный случай создаёт.

Павший ангел

Справедливости жажда,
Иль подбил его бес?
Был наказан однажды
Ангел, павши с небес.

В высшей свите вчерашней
Он в умах не исчез.
Ведь он – вовсе не падший –
Ангел, павший с небес.

Но вчерашние гости
Мир встревожили весь,
Что не ангел он вовсе –
Ангел, павший с небес.

От Адама и Евы
Шлёт он грешную весть
Нам с запретного древа,
Ангел, павший с небес.

Расставанье

Опять тоскою расстоянья
Я с дорогими разлучён...
И, как в кино, качаясь пьяно,
Пошёл, попятился перрон.

А наши души тянут руки,
И что-то хрустнуло в сердцах:
Любви невысказанной муки
С застывшим криком на устах.

Как много лет терзавший голод
Таких желаемых бесед
Захлёб коротких разговоров
Не смог насытить дух наш – нет.

Друзей в окне сияют нимбы,
Как звёзды дальнего пути.
И я шепчу, шепчу: «Спасибо!
И если что не так – прости...»

СКОЛЬКО

Сколько было денег
На кону!
Никуда не деть их.
Не вернуть.
Золотое время
Упустил –
Тройку жизни взгреть бы –
Нету сил.

Не вернуться годы
Никогда.
Не дозреют всходы –
Вот беда.
Порастают будни
Все быльём.
Сожалеть мы будем
О былом.

Сколько бодрых песен
Знал юнец!
Что-то ты не весел,
Дед-отец?
Но дела приспелые
Ждут с ранья.
Кто ж теперь их сделает,
Как не я?

Дружеский дом

Помню гомон и веселье,
И надежды, и мечты,
Светлый дом у Ожерелья
В ожерельи красоты.

И сердечные застолья,
И беседы допоздна
Про Болотникова поле,
Где сгустилась старина.

Замок – изнутри огромный,
Хоть и с виду небольшой,
Как хозяин – внешне скромный,
Но с богатою душой.

Зажигавшийся, как порох,
При недюжинном уме,
Высыпая целый ворох
Искромётных буриме.

Жажде роста потакая,
Рычагами манит власть –
Нас пленяет, увлекает
И сжигает эта страсть.

И чего припомнил вновь я
Про ушедшие года?
Одинокий дом Прокофьева
У заросшего пруда.

Горе не беда

Это горе – не беда:
Может, есть ещё года
В чём-то преуспеть в своей судьбе.
На крутящейся Земле
Что-то выпало и мне –
Видно, только надо не робеть.

Третий день гремят грома,
У иных – игра ума,
А дождя-то не было и нет.
Не жалея свои труды.
Лишь бы выросли плоды,
А не этот жалкий пустоцвет.

Улетели журавли.
Что успели, то смогли.
И зимой ошибки замело.
Только жизнь ведь – не сезон,
И прожить её – резон
Постараться сразу набело.

Сила духа

Ларикову А.Т.

Смирненным можешь быть и не смириться
С неправдой жизни, и не покориться,
Порой – незримой, воле палача,
Который рубит Родину с плеча.

Как грех воспринимаешь ты унынье –
Огонь надежд в душе твоей не стынет:
Как бы страна ни пала глубоко,
Сумеем одолеть лихой раскол.

И с головою весь уйдя в работу,
Порою пашешь на разрыв аорты,
Чтоб сердцем освещая эту ночь,
Покуда силы есть, друзьям помочь.

Приезжайте

Приезжайте! Приезжайте! Приезжайте!
Приезжайте ночью, вечером и днём.
Приезжайте на рассвете, на закате –
Мы вас искренне давно уж в гости ждём!

Редкий день – чтоб вас не вспомнили – поверьте.
Встречи редки, а разлукам нет конца.
Ожидая вас, не запираем двери
И давно для вас открыли мы сердца.

Дождь в дороге

Дождь покапал на дорожку –
Говорят: хороший знак.
А на сердце всё ж тревожно –
Что-то, видимо, не так,

Если сразу все напасти
Навестить тебя пришли,
Если рвут тебя на части
Слуги неба и земли.

Если даже и разлука
Раньше времени пришла,
Опускаешь тяжко руки,
И не кляются дела.

Вместе с вами и мечтанья
На вокзал я отвезу.
Дождь покапал на прощанье,
Чтобы скрыть мою слезу.

Сезоны

Мы мечтали о солнце,
В окошко глаза с утра.
И пришла неожиданно
К нам аномально жара
С полыхающим солнцем,
С сожжённой до пепла травой,
С высыханием рек
И с пожаром над целой страной.

Так погода капризна –
Комфорта от неба не жди:
Затянули занудные
Так уж некстати дожди.
И не верится: «Вправду ль
Жара та была?»
Под дождём этим мерзким
Вдруг так захотелось тепла.

Мы живём в непокое –
Смятенье давно уж в душе.
Так, богатство утратив,
Мечтаешь хотя б о гроше.
И желаешь, ненастье
Встречая со многих сторон,
Чтоб в сердцах продолжался
Налаженный жизни сезон.

Блюз листьев

Блюз листьев опадающих над садом,
Осенний лес в невысшимом наряде,
Как на балу, возлюбленная рядом, –
Я в памяти всё это сберегу.

И конфетти цветного листопада,
Как след дневной ночного звездопада,
И броситься к ногам твоим так рады
Сердца кленовых листьев на снегу.

В лесу уже пустынно так и гулко,
Как в космосе – осенняя прогулка,
Деревья без листвы тысячеруко
Приветствуют небесный наш союз.

И в памяти далёкое всё всплыло,
А кажется – недавно это было,
И сердце отчего-то вдруг заныло,
Услышав листьев падающих блюз.

Поздние дни

Поздние дни – как журавли...
Что нам осталось?
Мира и радостей, Боже, пошли
Самую малость.

Старость пришла, годы взяла –
И не спросила.
Вслед за отвагой куда ты ушла,
Прежняя сила?

Словно дожди в окна, стучат
Нудно болезни.
Пусть будет светлой хотя бы печаль,
Друг мой любезный.

Усталость

Что это – преждевременная старость?
Накатывает мрачная усталость
От фальши, от несбывшихся надежд,
От поучений барственных невежд.

От жизни неусвоенных уроков,
Начальственных посулов и попреков,
От лжедрузей, непрошенных подруг
И даже от забот любимых рук.

В конце концов я с чувством этим справлюсь,
Лишь только – не от жизни бы усталость.

Юность

Как будто ищет ночь кого со свечкой месяца.
Во тьме мучительной они уже не встретятся –
Моё сегодня и минувшие года.
К нам не вернётся больше юность никогда.

И даже если бы всюду светило солнце,
Над размышленьями оно лишь посмеётся:
Нам не вернуть вчерашний день –
Не расцветает поздней осенью сирень.

И хоть нас к старости сдвигают юбилеи,
Одну мечту свою по-прежнему лелею:
Хоть на чуть-чуть, хоть иногда
Нам возвращаться сердцем в юности года.

Строки

Ещё котёл кипит,
Ещё вулкан дымит.
Какие лавы он ещё исторгнет?
Как чудо, каждый раз,
Небес услышав сказ,
Дарю вам и раздумья, и восторги.

От жён богатых, чад –
Такой словесный чад:
Сквозь пепел графоманский не пробиться.
И очень тесный круг
Родных, друзей, подруг
Моей строкою могут погордиться.

Весенний лес

Прозрачен лес в предчувствии листвы,
Ещё не залит он волной зелёной,
И не укрыло облако травы
Созвездий прошлогодних листьев клёна.

Лишь где-то там, в неясной глубине,
Как в глубине таинственного неба,
Горящая в серебряном огне
Живая на ветру туманность вербы.

Стволы берёз натянуто прямы,
Как струны тысячеголосой лиры.
Ударит солнце – и услышим мы
Песнь древнюю о сотвореньи мира.

Грибной дождь

Колотенко В.Д.

А вот он и дождик!
Так славно идёт
По лужам весёлой походкой.
Порой головою до туч достаёт,
Вздыхая, мол: «Ну и погодка!»

Но он и лучам потесниться готов:
С дождечками солнышко брызнет,
Чтоб было в сезоне побольше грибов
И больше, конечно же, жизни!

Повесть

Чем ближе к неизбежной грустной старости,
Случайные мы ловим в жизни радости.
И надо-то порою вовсе малость,
Чтоб ублажить задавленную слабость.

Хоть находились мы у жизни в гуще,
Не раз, наверно, нами шанс упущен.
Без риска, сберегаясь от напастей,
Лишь взглядом провожали птицу счастья.

И, подавив стремления в душе,
Мы миримся с покоем в шалаше.
Одна осталась радость на двоих:
Порадоваться за успех других.

Мотаясь между Западом с Востоком, мы,
Пронизанные смешанными токами,
Богатством обладая сразу всем,
Ни этим становились и ни тем.

Немногого нам хватит за глаза:
Театр тянет и концертный зал.
Вдруг стал язык понятен этих звуков,
Душа открылась старых переулков.

Храним, как встарь, счастливые билетки.
Лелеем свои старые секретки.
И молодости соловьиный гимн
Понятен – точно! – только нам двоим.

Порою, забывая свои годы, мы
Срываемся на бытовые подвиги.
А кроме нас-то, вроде как и некому:
Все в трудный час становятся калеками.

Мы жили, хоть и скромно, но по совести.
К фальшивым дням страны не приспособились.
Дай каждому, Бог, по его делам.
Пожалуй, грех пожаловаться нам.

Мы с миром на душе живём на свете.
Нас внуки часто радуют и дети.
Впрягаться в будни по утрам – не лень.
Благодаря за каждый божий день.

Не западали на посул и лесть.
Есть имя у нас доброе и честь,
Друзей давно проверенная дружба.
А что ещё для нашей жизни нужно?

Да, в молодости многого хотелось,
И хочется добрать, что не успелось.
Но истинам родительским верны,
Всё сдюжим, только б не было войны.

И многое понятнее, как будто:
Мы поступаем взвешенно и мудро.
И сами не поймём, что с нами случилось,
Но не поверим, что приходит старость.

Ведь слава Богу, если до сих пор
Мы сохранили юности задор.
И нам не чужды маленькие слабости:
В горчинках жизни – маленькие сладости.

Осенний привет

Не сказать, что меня, как и прежде, заносит, –
Тормозит седина, тяжесть прожитых лет.
Но опять мне косынкою алою осень –
Не из прошлых ли дней? – посылает привет.

Опадает листва, как нарядное платье,
Расстилая кругами ковры на земле.
И деревья волнуют подвижную статью,
Совершая под ветром своё дефиле.

Затянулись, забылись житейские раны.
Поредел, как и лес, неприкаянный чуб.
Почему же по-прежнему так же желанны
Лепестки увядающих губ?

Белым бисером иней украсил дорожки.
К расставанью опять я душой не готов:
Я люблюсь на осени дивные ножки,
Пока их не укутала шуба снегов.

Осенний дождь

Барабанит дождь по крыше
То погромче, то потише,
Строчит строчку из письма,
Что грядёт опять зима.

То затихнет, станет легче:
Не звенит уже, а шепчет,
Вспоминая дни свои,
О потерянной любви.

Выбивает дождь морзянку,
Оттого на сердце зябко –
В ней услышать можно SOS!
Плач о том, что не сбылось.

Осенняя любовь

Крылами машут, осень провожая,
И сами птицы вслед за ней летят.
Иные собирают урожаи,
А мы лишь начинаем новый сад.

Ещё в душе – хорошая погода,
Для чувств приливных не настал отлив.
И даже для осенних этих восходов
Мы дождь воспринимаем как полив.

И в шёпоте листвы, и в свисте ветра
Порой слышны как будто – соловьи.
Пусть нашей жизни длится бабье лето,
Как лето неоконченной любви.

Сопереживание

Если в окошко к тебе постучится
Беда, беда.
Знай, что к тебе моё сердце примчится
Всегда, всегда.
Вместе разделим, а может, разведем
Печаль, печаль.
Тьму мы разгоним, пока не дотлеет
Свеча, свеча.

Брался за дело, как будто двужильный,
С нуля, с нуля,
Дать тебе помощь небесные силы
Моля, моля.
Дня ты не видел и мчал до рассвета
Не раз, не раз.
Рвался к победе, но только всё это –
Аванс, аванс.

Горечь нажитую не подсластить нам
Ничем, ничем.
Тратил года наши призрачный стимул
Зачем, зачем?
В срок свой и власти, и жертвы, и судьбы –
Уйдём, уйдём.
Вспомнит ли кто-то о вкладе в их судьбы
Твоём, твоём?

Потери

Мы, братцы, Человека потеряли.
Остался лишь египетский осёл.
Увидев перестройки трали-вали,
И ангел бы, не выдержав, ушёл.

А чёрт зудит: «Куда так много истин?
Достаточно одной: купи-продай!»
В сердцах людей погасла божья искра,
И погрузился в тьму родимый край.

В перерождённых – мнимое лишь сходство.
Провал нас ждёт на много тысяч лет.
Где честность взять теперь и благородство?
На Западе-то их давно уж нет.

Неравнодушие

О выборах, о власти споры,
О самом правильном пути –
От этих важных разговоров
Нам, друг, с тобою не уйти.

Как обустроить жизнь нам нужно,
Как поддержать огонь в печи, –
По-прежнему в неравнодушных
В нас не сама ль душа кричит!

Притча о дружбе

Уставший, голодный и жаждой томим,
Дорогой пустынную шёл пилигрим.
Нажитую ношу печалей он нёс,
За ним – тощий ослик и преданный пёс.

Манили обманом не раз миражи.
В песках бесконечных он долго кружил.
Потрескались губы, шепча о воде.
И выли шакалы о близкой беде.

И вот, словно в сказке – оазис густой,
Зелёный и сочный, с журчащей водой.
Видение это прибавило сил –
Аллаха молитвой он благодарил.

Идут караваны в роскошный сарай.
И надпись при входе: «Пожалуйте в рай!
Бесплатно вы можете кушать и пить,
Но только животных нельзя здесь поить».

– Ну, как же, – вскричал он, – поить их нельзя?
Ведь это ж мои дорогие друзья!
И путник в пустыню опять повернул –
Лишь трещины губ языком облизнул.

Хлестала их снова горячая плеть,
И рядом ходила коварная смерть.
Паломник уж вовсе душою поник,
Как кустик увидел и слабый родник.

– Во имя Аллаха скажите скорей:
Для всех ли вода или лишь для людей?
Хоть скуден для жизни и мал островок,
Но как называется ваш уголок?.

– Как странен вопрос твой, – он слышит в ответ, –
Всем сущим Аллаха, запретов здесь нет:
На равных и пейте, и радуйтесь тут.
А край небогатый наш Раем зовут.

Задумался путник: «Поди угадай:
Который из двух – настоящий-то рай?»
Но главное понял: там истинный ад,
Где друга предать ненароком велят...

Нафталин

Порою, сберегая свои вещи,
Мы прячем в шкаф их до поры, в комод
И радужной себя мечтою тешим,
Что время их носить ещё придёт.

Но вот – глядишь – одни малы нам стали,
Из моды вышли, потрепала моль...
Прошли года – свою ли мы сыграли
На сцене жизни истинную роль?

О, сколько чувств и пламенных, и свежих
Сумели в сердце запереть замком,
Чтоб через годы, их встречая реже,
Так горько сожалеть о них потом.

Раздумья

Вновь приснились глаза мне твои.
Вновь услышались те соловьи.
Всплыли в памяти мудрые фразы
И короткие, как рубаи.

Да, конечно же, не для вина,
Не для глупого сладкого сна,
А для праведных дел непростая
И короткая жизнь нам дана.

Не насытить её без труда,
Наполняют её не года –
Покорённые нами высоты
И готовность делиться всегда.

На кого в этой жизни пенять? –
Задаёмся вопросом опять.
Старость к людям приходит так быстро,
Ну а мудрость не может догнать.

Щедрость

Жил шах-падишах в государстве далёком
И слыл чудачком он душою широкой:
Он платьё простое порой надевал,
С лотка на базаре деньгу раздавал.

Хвалили придворные щедрость такую,
Слагали поэмы, о славе тоскуя.
Но было однажды: бродячий дервиш
Его остудил, будто отнял гашиш,

Сказав, что он знает щедрей человека,
Живущего в ближнем лесу, дровосека:
Он рубит, таскает дрова круглый год
И всем, кто в нужде, просто так отдаёт.

«Ты, царь-государь, поразмыслив, сумеешь
Понять – от щедрот ты не стал ведь беднее.
Ещё ко всему я добавить дерзну:
Ведь деньги твои возвратятся в казну.

А вот дровосек для людей не жалеет
И дарит им то, что и сам не имеет».
Вот тут-то и сказке случайной – конец.
Кто понял её, тот, конечно, мудрец!

Тайна

Вот так и бывает: казалось, случайно
Раскрылась, к несчастью, их сладкая тайна.
Теперь уж кричи – не кричи «караул!»,
О том, что украдено, – ветер шепнул.

Никто б не повёл в эту сторону носом,
Когда бы обычной тут веяло прозой.
А в том-то и дело, что ветер принёс
Откуда-то запахи утренних роз.

Никто и не должен был знать о свиданьи.
Как могут уйти сокровенные тайны?
Да вот, заглядевшись на этот дуэт,
И звёзды проспали законный рассвет.

Казалось: никто, никому, ни полслова.
И в этом поклясться все были готовы.
Но вот на волну накатилась волна,
И сталамышлёным картина ясна.

Ах, сколько случилось трагедий, как эта:
Тахир и Зухра, и Ромео с Джульеттой.
Судьбу повторить их никак не хотим,
Но авторов текста, конечно же, чтим.

И хоть перед классиками неудобно,
Порвать бы хотелось с традицией скорбной,
Чтоб эти страдальцы от тайных колец
До жизни семейной дошли наконец.

Ничто на Земле не бывает случайным,
Ведь всё, что случилось, теперь-то не тайна.
Уж мать-то согласна, смирился отец,—
Такую развязку придумал мудрец.

Ангел-хранитель

Мы замкнуты от мира, от знакомых:
Ни выслушать, ни всхлипнуть самому.
Привычны повседневности оковам,
Мы не хотим услышать Жизнь саму.

И кто богат, тот более прижимист —
Не то, чтобы горбушку пополам.
Когда на помощь не приходим Жизни,
То и она не помогает нам.

И вроде как себя узнать боимся
Поглубже, с кем-то сблизившись едва.
И новых встреч упорно сторонимся,
За лживые упрятавшись слова:

Мол, некогда, попозже, извините...
Устами незнакомца, может быть,
О чём-то важном ангел мой хранитель
Хотел в тот раз со мной поговорить?

Мудрость

Почему в изречениях мудрости – горечь?
Отчего в них, чеканных, вдруг слышится грусть?
Сколько истин рождалось в трагическом споре,
Чтобы их повторяли потом наизусть!

Как же сладкой ей быть,
Если мудрость – уроки
Чьих-то горьких ошибок, обидных потерь?
Как весёлой ей быть,
Если в жизни жестокой
Мы не сразу находим заветную дверь?

Всем искателям истин – и юным, и старым –
Отпускает её без лимита казна.
Человечества мудрость – потомкам подарок,
За который заплачено в прошлом сполна.

СТИХИ И МОЛИТВЫ

Стихи и молитвы –
Волшебные ритмы
Пульсируют в них, оживляя сердца,
Людей поднимают на труд и на битву,
И стойкими быть им дают до конца.

Стихи и молитвы
Нам душу питают –
Не зря был написан стихами Коран.
Все помыслы жизни из них вырастают
Отдельных людей, и народов, и стран.

Стихи и молитвы
В единое слиты.
Являясь к нам с Неба певучей строкой,
Судьбы благодушной откроют калитку
И совести пустят туда непокой.

Цитаты

Когда меня цитируют друзья,
Произнося на память пару строчек,
И говорят о попаданьи в точку,
Поверьте – не растрогаться нельзя.

Но есть обман на совести моей:
На самом деле я ведь, их послушав,
Старанье приложив затем и душу,
В стихах своих цитирую друзей.

Предназначение

Я слышал, что они кому-то помогли
Себя понять иль с жизнью примириться,
Растрогали строкой, как в небе журавли,
Позволили душе взлететь, как птице.

Смогли открыть глаза на труд учителей,
Родителям своим в любви признаться,
Средь вековых проблем и мелочности дней
В запутавшихся чувствах разобраться.

В их ритмах ворожит вся магия небес:
Молитвы, заклинанья и прозренья.
И верящим ещё в явление чудес
Они порой приносят исцеленье.

В тревогах бытия от неба до земли
Они должны звучать сердцам согласно.
И если хоть одной душе помочь смогли,
Тогда стихи слагались не напрасно.

Уроки жизни

Быть может, я иным своим твореньем
Невольно ввёл кого-то в заблужденье?
Я прост, как вы, и не гожусь в пророки.
Лишь жизнь пусть даст вам мудрые уроки.

Хоть сладостны минуты просветленья,
Они дадут ли сердцу утешенье?
Средь одиноких вы – не одиноки.
Лишь жизнь вам даст содружества уроки.

В каком бы вы ни враждовали стане,
Ни потакать и ни судить не стану:
Любая правда будет однобока –
Лишь жизнь вам даст терпимости уроки.

Порою достают чужие склоки.
Не добродетель – в праве, а пороки.
Но что-то было в буднях и высоким,
Чтоб выработать этики уроки.

Наносит нам неблагодарность раны:
По сердцу бьёт и часто – по карману.
То люди, то судьба к нам так жестоки.
Лишь жизнь подарит доброты уроки.

А как же – назначение поэта?
Но мне-то у кого просить совета?
Как ученик, я складываю строки
И сам беру у жизни все уроки.

Содержание

<i>Владимир Бояринов. Любви и музыки божественный союз</i>	3
Подарок	5
Полёты души	6
Музыка	7
Месса	8
Песнопения Сирина	9
Очищение	10
Лики Сирина	11
Глас небесный	12
Азан	13
Минарет	13
Восточная фреска	15
Соната Моцарта	15
Гитара	16
Ансамбль Фелицианта	17
«Играй, мой баян»	18
Ставень райский	19
Рок	20
Органный концерт	21
Волшебные творенья	23
Музыка-нищенка	24
Бетховен	24
Баянист	26
Анечке	27
Романс	28
Мужчина	28
Вершины	29
Совет	29

Струны.....	30
Этот блюз.....	31
Гимн.....	32
Удары судьбы.....	32
Марш Мендельсона.....	33
Баллада.....	33
Серебряная свадьба.....	35
Жертвенная.....	36
Жрица.....	36
Божья благодать.....	37
Идеал.....	37
Курортный романс.....	38
Оставленные дела.....	38
Бумеранг.....	39
Предсказанье.....	39
В курортном парке.....	41
Дорожная суета.....	41
Оберега.....	42
В разлуке.....	43
Притяжение.....	43
Ключик.....	44
Святая.....	45
Крыша.....	46
Истинное золото.....	46
Награды женщинам.....	47
Сходство.....	48
Внучка.....	49
Колыбельная.....	50
Привет в будущее.....	51
Рассеяние.....	52
Расставания.....	53

Родители-герои.....	54
Родной язык.....	55
Лейли и Меджнун.....	56
Тайна.....	57
Флейта и арфа.....	58
Деревянная свадьба.....	59
Концерт Альта.....	60
Венок любовных песен.....	61
Канатная дорога.....	62
Певец.....	63
Песня ручья.....	64
Песни скворца.....	65
Соловьи.....	66
Страстная игра.....	67
Старая пластинка.....	68
Учителю музыки.....	69
Оркестр.....	70
Музыка дождя.....	70
Осенний псалом.....	72
Чарующие звуки.....	73
Лира.....	78
Музыка зодчества.....	79
Тарантелла – Скерцо о Риме.....	80
Сиртаки о Кипре.....	82
Властитель.....	83
Звуки бузуки.....	84
Элегия о Кисловодске.....	86
Песня о Паланге.....	87
Ностальгия.....	88
День туркменского скакуна.....	89
Крепкое соседство.....	90

Взлёт Баку	92
Гранатовый город Сиде.....	93
Каширский край	95
Знакомые места	96
Песни дружбы	98
Песни Окуджавы.....	99
Исаакиевский собор.....	100
Осенний храм	101
Третьяковка	104
Образ иконы	105
Картина Васнецова.....	106
Картина Поленова	106
Картина Айвазовского.....	107
Картина Саврасова	108
Картина Левитана.....	108
«Московский дворик» Поленова.....	109
«Бурлаки» Репина	110
Картина Сурикова	111
Масленица Кустодиева.....	112
«Гонец» Рериха	113
Картина Брюлова.....	113
«Демон» Врубеля.....	114
Картина Перова	115
Картины Шишкина	116
Благотворители	117
Галерея Шилова	118
Лики святых.....	120
Картина Рембрандта	121
Даная	122
Художник.....	122
Дом художника	123

Дом художницы.....	124
Метченко 66 лет.....	126
Волшебник кисти.....	127
Художнику.....	128
Маковская обитель.....	129
Краски.....	130
Волшебный жест.....	131
Петух.....	132
Живопись.....	133
Подмалёвок.....	135
Портрет художника.....	136
Былина.....	138
Зодчество.....	140
Измайловский вернисаж.....	141
Осенний карнавал.....	142
Осени медные трубы.....	143
Гжель.....	144
На выставке античности.....	145
Тульский самовар.....	146
Лубочная картинка.....	148
Караван-сарай.....	150
Признание.....	154
Танец дервишей.....	155
Вечер танцев.....	156
Простой рецепт.....	157
Песня о «Покровке».....	158
Таланты и поклонники.....	159
Родник.....	160
Тамаре Глоба.....	161
Мой долг.....	162
Голубятня души.....	163

Невстреча.....	164
Приглашение	165
Картошка.....	166
Знания	167
Модуль 10	168
Между	169
Наше поколение	170
Вечная борьба.....	171
Рембрандт	172
Незримое богатство.....	173
Друзья	174
Жена офицера	175
Душа гимназии	176
Товарищ.....	177
Николай Угодник	178
Теплота	179
Стих – подарок жены	180
Горечь.....	181
Белый свет	181
Мельница жизни	182
Пути	183
Года	184
Секрет стиха.....	184
Неуют	185
Случай.....	185
Павший ангел	186
Расставанье	187
Сколько	188
Дружеский дом	189
Горе не беда	190
Сила духа	191

Приезжайте	191
Дождь в дорогу	192
Сезоны	193
Блюз листьев	194
Поздние дни	195
Усталость	195
Юность.....	196
Строки.....	197
Весенний лес.....	198
Грибной дождь	198
Повесть	199
Осенний привет	201
Осенний дождь	202
Осенняя любовь.....	203
Сопереживание	204
Потери.....	205
Неравнодушие.....	205
Притча о дружбе.....	206
Нафталин	207
Раздумья.....	208
Щедрость	209
Тайна	210
Ангел-хранитель.....	211
Мудрость.....	212
Стихи и молитвы.....	213
Цитаты	214
Предназначенье	215
Уроки жизни.....	216

Хайдар

ПОДАРОК

Стихотворения

Компьютерная вёрстка *Анна Корват*
Корректурa *Ольга Иванова*
Дизайн обложки *Александр Аверьянов*

Подписано в печать 12.03.2012 г.

Формат 70x100/32

Усл. печ. л. 7. Тираж 1000 экз. Заказ № 22.

Печать офсетная.

ISBN 978-5-91366-234-7

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская. д. 50/5,
тел.: (495) 690-67-19,
www.uniki.ru